

К 27
-70880

Марина КАРЯГИНА

Золотое яблоко

k-070880

К84.89(=4)
К27

Кур

Марина **КАРЯГИНА**

Золотое яблоко

Рассказы и сказки

Чр

Перевод с чувашского
Ирины МИТТА и Зои РОМАНОВОЙ

Иллюстрации Елены ЕНЬКА

Чебоксары
2014

(2 Рос = Чув) 6-445.3.93
1.89 (= Чув) 6-445.44.3

УДК 821.512.111-93
ББК 84 (2 Рос = Чув) 6-4
К 27

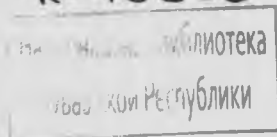
Карягина М.Ф.
К 27 Золотое яблоко: рассказы / М.Ф. Карягина. Перевод
с чувашского И. Митта и З. Романовой. – Чебоксары:
ОАО «ИПК «Чувашия», 2014. – 160 с.

ISBN 978-5-86765-485-6

Герои рассказов Марины Карягиной – живые, своеобразные, душевные люди, склонные к философским размышлениям о счастье и судьбе, любви и дружбе, жизни и смерти, поэтому читать её произведения полезно и интересно не только детской аудитории, но и взрослым.

Автор выражает искреннюю благодарность действительному члену (академику) РАО, доктору экономических наук, профессору Льву Пантелеймоновичу Куракову за помощь в издании книги.

К-70880

Проверено 8 СЕН 2017

УДК 821.512.111-93
ББК 84 (2 Рос = Чув) 6-4

ISBN 978-5-86765-485-6

© Карягина М.Ф., 2014
© ОАО «ИПК «Чувашия», 2014

Чудо-юдо

Сапоги на ногах так промокли, что я понял: и вправду наступила весна. Хлюп-хлюп-хлюп! – обхожу я лужи одну за другой. Так здорово! Вдруг услышал, как кто-то напевает несказанно весёлую песенку. Кто бы это мог быть? Оказывается, я сам! Иду по улице и пою. Как не радоваться: сегодня мне исполнилось целых пять лет!

– А-апч-хи-и! А-апч-хи-и! – расчихался кто-то рядом. Гляжу – мчится навстречу какое-то Чудо-юдо. Оно вихрем, не останавливаясь, пронеслось мимо меня. Но я успел услышать, как оно горько плачет. Мне стало жаль беднягу. А вы? Как бы вы поступили?

Правильно, надо помочь! Не зря же оно оказалось на моём пути – значит, мне и надо помочь.

Я кое-как догнал его и схватил сзади. Хоть Чудо-юдо и несуразное с виду, но душа у него точно есть: смотрит на меня крохотными, с капельку, глазками и дрожит. Взял продрогшего кроху в ладошку, сунул руку в карман, чтобы ему было теплее, и побежал домой.

Калитку заперли только для вида – просто повесили замок. В нашей деревне это означает, что в доме никого нет, но хозяева отлучились ненадолго.

Снял свободной рукой замок, который висел понарошку, и очутился во дворе. Чуть перевёл дух, собрал-

ся с мыслями и зашёл в дом. Хорошо, что никого нет, я сам себе хозяин.

Куда же поместить это Чудо-юдо? Оно кажется мне то толстенным пауком, у которого семьдесят семь ножек, то малюсеньким дракончиком... Положил на печку, в тёплое место – ему не понравилось, переложил в коробку для игрушек – опять недоволен. То ли к рукам привык? Но не могу же я всё время держать его в ладошке. За целый день чего только не приходится делать руками: умываться, чистить зубы, кушать... Бывает, что и в носу надо поковырять... Погоди, может оно хочет кушать? Но сначала надо дать попить.

Я принёс в чашке воды и положил Чудо-юдо в воду: пусть пьёт, сколько вздумается. Оно очень обрадовалось. Точь-в-точь утёнок, даже вылезать не хочет. Или думает, что попало в озеро?

«Спасибо тебе», – шепчет Чудо-юдо, благодарно глядя на меня.

И на другой день оно ни за что не захотело вылезать из «озера». И на следующий... Я не стал ничего рассказывать домашним.

Смотрю однажды утром и не верю своим глазам: у моего друга выросли белые усики! Получается, он пустил кор-

ни! Надо же, оказывается, это не безымянное, не безродное Чудо-юдо, а корешок! Но чей? Ладно, проживём – увидим... Я наполнил красивый горшок землёй и аккуратно посадил туда своё Чудо.

Жизнь стала как в сказке. По ночам раз семь просыпаюсь, чтобы посмотреть на друга. Вдруг цветочки появятся или ещё какие-нибудь чудеса произойдут – как бы не пропустить.

Чудо-юдо зеленеет вовсю. Торопливо выпускает побег за побегом, день ото дня становится крепче, выше.

Ближе к осени пришлось пересадить его из горшка в ведро. «А вдруг вырастет в настоящее дерево? – беспокоюсь я иногда. – Что будет, если дорастет верхушкой до потолка? Тогда бедолагу возьмут и выкинут! Никто в доме не догадается прорубить крышу, чтобы дереву было вольготно расти... Эх, что поделаешь, не понимают, что такое красота!»

Когда сапоги перестали намокать, я понял, что наступила зима. Как здорово было шлёпать по осенним лужам. А впредь, пока не исполнится шесть лет, придётся довольствоваться тем, что месить снег. Когда появятся сугробы, будем ходить по крышам домов, как богатыри!

Нынешняя зима куда интереснее прошлой: у меня дома живет зелёное Чудо-юдо. Осенью листья на берёзах улетели вместе с птицами на юг, а моё деревце по-прежнему такое же зелёное! Я не устаю радоваться. Мы с ним растём наперегонки, то и дело меряемся ростом. Вот наступит Новый год – и украсу вместо ёлки, будем с друзьями водить вокруг него хоровод...

Проснулся однажды утром и от ужаса крепко зажмурил глаза: у моего друга не осталось ни одного зелёного листика! Вот беда! Как же так?.. Что я не так сделал? Держал на сквозняке? Неправильно поливал? Мало любил?..

По моим щекам потекли слёзы. На пол бесшумно упал последний жёлтый листочек...

Ничего не поделаешь — пришлось провести зиму в дурном настроении.

...Из-под снега появилась нежная зелень. Сегодня мои губы сами собой расплзаются в улыбке: мне исполнилось шесть лет! И ещё... Ещё... Я потом расскажу...

— Айда с нами стадо пасти! — кричит издалека Сергей. У него в руках замечательная палка.

— У меня нет такой красивой палки, — щурю я глаза навстречу солнцу.

— Сломай своё засохшее дерево, будет в самый раз, — учит меня Сергей уму-разуму.

— Ещё чего! Если хочешь знать, оно не засохло. Сегодня на нём распустились листья!

Не хотел пока говорить, но уж ладно, так и быть...

Вытащил из-под навеса длиннющий кнут и так вытянул его, что он свистнул! Баран из Серёжиного двора в момент встал во главе стада и шеренгой, словно солдат, повёл овец на луг. Вот это порядок так порядок!

Вместе с ребятами с нашей улицы мы целый день играли на лугу, не забывая приглядывать за стадом. Да разве нам, деревенской ребятне, трудно присмотреть за живностью?

– Приходите ужинать, – сказал я ребятам, когда расходились по домам. Я не очень-то знаю, как следует приглашать на день рождения. Подумал-подумал и решил, что в гости всё равно ходят чтобы покушать...

Едва я умылся и надел новую рубашку, как друзья уже тут как тут. Папа с мамой усадили всех за стол, стали угощать разной вкуснятиной. Не успел и глазом моргнуть, а тарелки у всех блестят – попробуй пробежать целый день за стадом!

– Ребята, внимание, сейчас будет сюрприз, – сказал вдруг папа. – Возьмитесь все за руки и закройте глаза. Идёмте за мной!

Я взялся за папину руку, Сергей держится за меня, за ним идет Сашка, за Сашкой – Толик, за Толиком – Алька, за Алькой – Ленка, за Ленкой – Анька, за Анькой – мама... Идём с закрытыми глазами, осторожно переступая ногами, чтобы не споткнуться. И очутились в моей комнате – тут уж не споткнёмся, здесь у меня даже ботинки видят!

– Теперь откройте глаза, – командовал папа.

Мама включила свет. Ничего себе! У моего Чудо-юда не только распустились листья, на нём ещё выросли подарки! Чего только нет на ветках: книги, игрушки, даже нарядная одежда.

– Вот это да! – ахнули ребята.

Я от изумления только и смог прошептать: «Спасибо, дружище!». И понял: Чудо-юдо слышит меня.

Мурка

Не могу удержаться, чтобы не рассказать вам про нашу Мурку. Она у нас совсем не как у других людей! Худющая и длинная. Как вытянется после еды, так я каждый раз боюсь, что треснет на части.

Однажды Мурка сидела на подоконнике, грелась на солнышке и с удовольствием крутила пушистым хвостом туда-сюда, словно решила вытереть всю пыль. Мы с соседской Ленкой разглядывали красивую книжку. Вдруг на весь дом как зажужжит! Смотрим – что-то залетело в дом и кружит, выписывает круги, будто вертолёт, который ищет место для посадки. Мы растерялись, не знаем, что делать: то ли удивляться, то ли пугаться, и на всякий случай не сводим глаз с мохнатого чудища. Оно такое страшное, что и меня, и Ленку охватил ужас. Кажется, если хоть на миг отведёшь взгляд в сторону, произойдёт что-то страшное. А пока смотрим на него – будто удерживаем как можно дальше от себя, не даём приблизиться. По сравнению с этим страшилищем даже крупная пчела выглядит маленькой и безобидной, хотя когда она ужалила меня прошлым летом, было очень больно! А это насекомое просто огромное! Чем надо питаться, чтобы так растолстеть?

Мурка вывела меня из оцепенения. Она словно ненароком взглянула на непрошеного гостя и погрузилась в свои мысли. Даже не шелохнётся. Как можно до такой степени делать вид, что ничего не происходит? Когда в прошлый раз солнышко тоже пригрело, проснулась крупная муха, дремавшая всю зиму в оконной щели. И что вы думаете? Мурка тогда совсем голову потеряла! Зрачки у неё расширились, стали огромные-преогромные, в них словно огонь зажётся. Ка-а-ак схватит муху и давай трепать её туда-сюда. Та не знает, куда деваться. Муха всю зиму спала, ничего не ела, с виду как засохший чёрный стручок. Что там кушать, наверняка и вкуса не почувствуешь. Наивная Мурка цапнула её коготками и почти по-человечески поднесла ко рту, чтобы съесть. Бедная муха как зажужжит изо всех сил! Похоже, на своё счастье, она не попала кошке на зубок и какое-то время звенела со всей мочи у неё во рту, потом каким-то образом ухитрилась освободиться: вылетела и звонко ударилась о стекло. Наша разбойница снова устремилась за ней, стала бить когтями о стекло: дзиньк, дзиньк! Муха хоть и неповоротливая спросонья, но не сразу дала себя поймать. Вот была комедия!

А сейчас Мурка сидит с таким безмятежным видом, будто в доме ничего не происходит. У нас с Ленкой души ушли в пятки. Мурка лениво прикрыла один глаза и снова задремала. Или решила, что со шмелем лучше не связываться? Взяла бы и выгнала его из дома, как настоящая кошка, и дело с концом.

Но вот началось! Лохматое страшилище совершенно обнаглело, словно забыло, что залетело на чужую территорию. Совсем не считаясь с кошкой, подлетело прямо к её уху и принялось громко жужжать. Во даёт! Неужели Мурка стерпит такую наглость? Я тогда перестану её уважать.

Тс-с-с, тише, кажется, наша кошка ожила. Вот открыла свои круглые зелёные глазища. Открыть-то открыла, но... улеглась к наглецу спиной. Опять дрыхнет. Эх, что же делать! Неужели опозорит перед Ленкой? Говорят, каковы хозяева – такова и домашняя живность. А вдруг Ленка подумает, что я такой же робкий? Как быть? Что бы такое придумать? Поздно учить Мурку, как поступают настоящие кошки...

Шмель оказался такой дерзкий, что я и представить не мог. Видимо, это был самый нахальный шмель на свете! Он понял, что нашей Мурке нет до него дела, и уселся ей прямо на нос!

Мурка и на этот раз не стала утруждать себя, даже глаза не открыла, только отшвырнула его лапой. Тому это ой-ой как не понравилось, он разбушевался пуще прежнего. И только тогда наша ленивица словно бы обратила на него внимание. Внезапно проснулась, на мордочке в момент не осталось следов сна, и уставилась на шмеля. Сидит, смотрит внимательно, не отрываясь, словно хочет пробуравить его крохотные глазки. Кажется, Мурка пересчитала ему не только лапки под брюхом, но и все шерстинки на тельце. Нам даже стало интересно. Мы подвинулись поближе.

Смотрим. Три пары глаз старательно сверлим шмеля взглядом. А он наблюдает за нами. Хоть бы одним глазом моргнул. Потом это всё ему, видать, надоело, снова начал жужжать, словно хотел сказать, что ему некогда с нами возиться. Можно подумать, чем громче жужжишь, тем больше мёда соберешь. Мурка больше не вытерпела – поднялась на все четыре лапы, незаметно сгруппировалась, подкралась осторожно и в один миг прижала супостата

меж коготков. Поделом! Эх, загудел, эх, зажужжал! Будто сейчас весь белый свет полетит в тартарары. Ничего, выбьется из сил и замолчит, куда он денется.

Но не тут-то было! Жужжит и всё тут! Мурка вконец разозлилась. Да и сколько можно сидеть с приподнятой лапкой? Боже сохрани, конечно, но этот нахал может и ужалить. Тряхнула лапкой – тот не может отцепиться, тряхнула еще раз – никакого толку. Мурка мяукнула злобно и ка-а-ак взмахнет лапкой! Шмель освободился из её когтей и... залетел в Ленкины кудри. Я ахнул и прикрыл рукой рот. Лучше бы уши закрыл – шмель запутался в волосах и начал жужжать пуще прежнего!

Если вы такого раньше не видели, пусть и не доведётся никогда увидеть. Что Ленке остаётся делать? Застыла и стоит, боится даже шелохнуться, ждёт, когда светопреставление на голове закончится. У неё такое лицо стало – смотреть страшно. Мы с ней словно в ледяной памятник превратились. А бывает такой ледяной памятник, который трясётся будто в лихоманке?

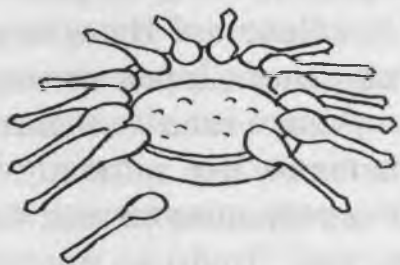
Ведь чувствовал, что это страшилище залетело к нам не к добру, так оно и вышло. Ленка на глазах стала надуваться и вдруг – даже выговорить боязно – превратилась в огромную старушку. Чем бы всё закончилось, если бы не Мурка. Вот это кошка – вскочила на стол и давай нажимать на телефонные кнопки. Конечно! Правильно! Эх, глупая башка, как я сам не сообразил, что надо поскорее вызвать докторов!

Не поморгай я хорошенько глазами, точно бы через несколько минут «скорая помощь» подъехала к нашему дому. Но моргнул пару раз, и перевернувшаяся вверх тормашками жизнь встала на место: шмель в страхе вылетел, Ленка стоит смеётся, счастливая как никогда. Оказывается, это из-за слёз она показалась мне такой толстушкой.

А я навсегда запомнил: чтобы понять, как всё обстоит на самом деле, надо оставаться спокойным. Когда смотришь сквозь слёзы, даже маленькие неприятности кажутся чересчур большими.

Лучшая в мире тётя

Каких только имён нет в нашей деревне: Дуб, Медведь, Волк, Ворон, Ласточка... Можно подумать, из дремучего леса все вышли.

– Детям дают второе имя, чтобы болезни запутались и не могли их отыскать, – объяснила однажды бабушка.

Я никогда не болел, поэтому имя у меня самое обычное: Вася. Почему-то во всей деревне только меня так зовут. Больше никого. То ли имя не нравится...

Соседская собака вяло тявкнула в своем дворе. Вдоль забора показалась сплюснутая кепка дядьки. Кепка двигалась в нашу сторону.

Вот и сам дядька появился. У него тоже необычное имя: в деревне все зовут его «муж Митиной жены». Получается, его настоящее имя – Митя. А жена Мити приходится младшей сестрой моей бабушке. Я называю её Лучшая в мире тётя, потому что она не такая как все, рядом с ней всё кажется самым лучшим.

Муж Лучшей в мире тётя дядя Митя постоял молча, радуясь неизвестно чему, и вдруг выпалил:

– Слыхали, Василиса подарила мне пятнадцатую пташечку!..

– Золотая али опять серебряная? – дедушка тоже обрадовался, стал радостно потирать руки.

– Золотая! На этот раз золотая, – дядя взял и расплакался. Даром что мужчина.

Мне стало так интересно, что я забыл обо всём на свете. Что за птицу они поймали? Я думал, золотые и серебряные птицы бывают только в сказках. Разве не так? Чтобы не пропустить ни одного слова, подошёл поближе и встал рядом с дядей.

– Лида, слышишь, Лида! Ох уж наша Лида, вечно в делах. Лида, собирайся, надо идти с новой птахой знакомиться! Золотая прилетела, наконец-то!

Из летней кухни появилась бабушка. Платок у неё повязан через лоб, рукава завёрнуты до локтей.

– Слава богу... Есть все же бог... – шепчет она, вытирая мокрые руки краешком фартука. – Сейчас, сейчас. Переоденусь, вышитый фартук повяжу. И подарок надо выбрать. К новой пташке с пустыми руками не пойдёшь... Налей зятю пива. Зайди на кухоньку, свежее пиво уже подошло...

Дядя то смеётся, то плачет. Сам на себя не похож, только по вечно сплющенной кепке и можно его узнать. Что происходит? Может кто-нибудь нормально объяснить? Если не успею увидеть эту птичку... Какой тогда от меня может быть толк? Надо папе с мамой сообщить, пусть срочно вернутся с работы. Вдруг птичка улетит!

Пока взрослые будут копошиться, всякое может произойти. Я вихрем помчался на Нижнюю улицу, где живёт семья Лучшей в мире тёти. Я пока маленький, мне можно и без подарка. Мчусь, как стрела, не глядя

под ноги. Везёт же дяде Мите и Лучшей в мире тёте. В деревне они самые богатые. У нас, например, в доме пять ложек. А у них!.. Вы не поверите: шестнадцать! Сам считал. Их дети несут из лавки хлеб обеими руками, будто поленья дров. Мы никогда за один раз столько хлеба не покупаем. А теперь, оказывается, к нашим и без того богатым родственникам залетела золотая птица!

Пока добежал, запыхался и насквозь вспотел. Все дома. Дети уселись рядышком на длинной скамье возле стола: Аня, Маня, Таня, Саня, Соня, Оля, Аля, Галя, Валя, Еля, Уля – они все старше меня. Инна, Лина, Нина – младше. И всё. Больше никого нет. Дочери Лучшей в мире тёти красивые, как артистки – люди так говорят, я сам слышал. У них светлые, как у кукол, волосы: такие мягкие, нежные, что кажется, их даже расчёсывать боязно.

– А где золотая птица?

– Во-о-он, – ответили девочки все разом. Тихо так прошептали, будто наглотались льда и остались без голоса. Или птичку боятся побеспокоить?

Сказать-то сказали «вон», но я не увидел ни клетки, ни птицы, даже не услышал её щебета.

– Где? – я тоже спрашиваю как можно тише.

– Вон, – повторяют они опять.

Вдруг кто-то громко заплакал. Девочки, как рассыпавшиеся горошины, разом подскочили к люльке, накрытой пеленкой. Эх и качают, эх и качают!

– Не плачь, Вася, не плачь, родной, сейчас мама суп сварит...

Они что, издеваются надо мной? С чего взяли, что я плачу? Погоди, а кого они качают? Самая младшая, Нина, тоже вместе со всеми, уверенно стоит на своих ножках. Кто тогда в люльке? Неужели золотая птица? Нет, не может птица так кричать!

Из кухни вышла Лучшая в мире тётя, взяла из люльки... свёрток и поднесла к груди. Свёрток тут же перестал надрываться. Грудь сосет! Лучшая в мире тётя сидит, как богоматерь на иконе. Вся детвора с завистью, глотая слюнки, смотрит на чмокающего младенца.

Я всё понял... Никакая золотая птица в дом не залетала. Мальчик родился, а имя у него – как у меня!

Сейчас у них пятнадцать детей: четырнадцать девочек и один мальчик!

Когда малыш уснул, Лучшая в мире тётя налила суп в большую синюю миску и поставила на середину стола.

– Вот это да! Оказывается, Васька к нам пришёл, а я и не заметила. Чего молчишь? Проходи, садись за стол. Еды на всех хватит. Когда компания большая, жернова у мельницы в лад крутятся...

Хлюп да хлюп! Хлюп да хлюп! В жизни не ел такого супа, даже без хлеба вкусный! Ложку можно проглотить! Самый вкусный суп в мире – у Лучшей в мире тёти. С маленькими аккуратными клецками и молоком.

– Вася, мы решили назвать новую птичку твоим именем. Чтобы рос такой же сообразительный, как ты, тоже слушался маму и папу, – слова Лучшей в мире тёти делают суп еще вкуснее. Да разве на всём белом свете есть у кого-нибудь такая тётя?

Теперь и в нашей деревне два Васи. Жаль только, в команде Нижней улицы одним мальчиком будет больше...

К-70880

Центральная библиотека
Чувашской Республики

Ребята из Старых Дубков

Наш весёлый Каверле
Бултыхается в Буле!
Плавать лучше, чем топор
Не умеет до сих пор!..

Зубастые всё же ребята в Старых Дубках...

Я привык гостить на Пасху у дедушки с бабушкой в деревне Старые Дубки. Там живут родители моей мамы. А мы живём с папой, мамой и другими дедушкой и бабушкой, которые папины родители.

У соседских мальчишек собралась ребятня со всей улицы. Меня тоже позвали. Какими только частушками не дразнят они друг друга – можно подумать, больше забав и нет... Но я лучше промолчу, чтобы не попасть им на язычок...

Валери-калери,
Под амбаром посиди
И помёту набери –
Чтобы в рот попало,
За ушами трещало.

Ну и дела! Хорошо, меня зовут и не Каверле, и не Валери. В Старых Дубках живут некрещёные чуваши. Поэтому и имена у них другие, не как в нашей деревне.

Ребята в Старых Дубках отчаянные и смелые, никого не боятся. А мальчишки из других деревень их побаиваются, стараются не попадаться на глаза.

Думал, не попаду им на язычок, но не тут-то было.

Васька – босяк,

Совсем не остряк.

Языком мелет,

Что твоя Емеля...

Чтобы не слышать дальше, закрыл руками уши. Хорошо, здесь нет моей подружки Эльби. За что только мой дед любит этих вероломных мальчишек? Не получится у меня подружиться с такими насмешниками. Или совсем не надо связываться с ними, или научить наших ребят дразниться – тогда ещё посмотрим, кто кого.

– Пора домой. Может, дедушка вернулся...

Хотел уйти незаметно, но не смог сдвинуться с места. То ли нарочно, то ли по ошибке меня усадили на скамью, на которой не высохла краска!.. Если дёрнуться изо всех сил, штаны могут порваться... Вот будет потеха! То-то они обрадуются!

Сижу не шелохнувшись. Соображаю про себя, что делать, как быть? Как спастись от такого неслыханного позора? Придумают какую-нибудь нелепую кличку – ввек не отвяжется...

Эх, зачем я только зашёл к ним? Дедушки дома не было, он поехал в районный центр, в магазин – иначе бы ни на вершок не отставал от него. Разве для мужчин

не найдётся дела по хозяйству? В доме всегда есть, где постучать, где поправить. Я бы показал, чему у другого деда научился... Даже не успел забраться к дедушке на колени и поиграться с его колючей бородой... Сиди теперь, слушай, как переливают из пустого в порожнее. Что же делать? Встать и уйти вместе со скамьёй?

– Ты до сих пор здесь? – спросил вдруг один из ребят. От неожиданности я даже вздрогнул. – Кто домой собирался?

Всё, я погиб. Нет, не погиб, всё в порядке. Не такой уж я трус, чтобы сразу сдаваться. Надо перевести разговор в шутку, тогда самому станет легче.

– С вами так весело, как тут уйдёшь?

Хозяева продолжают хвататься от смеха за животы.

– По тебе не скажешь, что веселишься. Больно уж серьёзный, – продолжает цепляться ко мне бритоголовый мальчишка. Остальные зовут его Арслан.

– Люблю смеяться про себя. Без звука... К следующему разу тоже научусь хохотать до упаду.

Зачем только сказал? Кто дёрнул меня за язык?

– В душе он хохотун,

А на лицо – молчун!

Нахохлился, как птенчик,

Повесить что ль бубенчик?! –

выдал тут же один пацанёнок.

Ну и пусть, это ещё можно стерпеть. Птенчик так птенчик, ничего страшного. А если представить себя птенцом орла – вообще замечательно. Вырасту, окрепну – тогда ещё посмотрим, кто кого. А вот как быть

с прилипшей краской? Кажется, пока не догадались. Но кто знает, какую шутку они ещё выкинут?

Дверь открылась, и вошёл мой дедушка. Подбежал бы навстречу – не могу!

– Васька! Ты здесь, оказывается!

– Дедушка-а!

Он подошёл ко мне. Не успел я открыть рот, как дед развернул свёрток и стал доставать подарки.

– Мой внук в праздники ходит в старой одежде и позорит своего деда... Ну-ка, засунь руки в рукава, посмотрим, не мало ли в плечах? А-а, в самый раз, словно по меркам сшито. Настоящий богатырь! Атилла! Теперь штаны примерь...

Едва я успел расстегнуть ремень и пуговицы, как дедушка легко подхватил меня, штаны соскользнули и остались лежать на скамье! Вот повезло! Я быстренько вскочил, забрал у дедушки новые штаны и мигом надел их.

Ребята с завистью смотрят на нас. Не у всех есть дедушка, как у меня. Многие даже не знают, что такое иметь дедушку – с войны не вернулись...

– Садитесь все рядышком на скамью, – велел дедушка ребятам. – Закройте глаза!

– Нет, нет! – засуетился я.

– Ты, Васька, не завидуй, тебе тоже достанется.

Не успел я что-нибудь сказать, как забывшие обо всём на свете мальчишки уселись на крашеной скамье! Что делать, что делать? Ладно, пусть теперь сами соображают. Ничего, не пропадут.

Дедушка насыпал каждому в ладошку полную горсть лесных орехов. На базаре, конечно, купил, в наших краях лесов нет, таких гостинцев у нас не водится.

Мои сверстники обрадовались.

– Орешки – как золотые, – так и светятся они от счастья. – Жёлтые, крупные...

Кидают орехи по одному в рот, с хрустом раскалывают, выплёвывают скорлупу в руку и смачно жуют ядрышки. Просто блаженство...

Я вздохнул и за руку с дедушкой зашагал к дверям.

Пасха

Солнце добралось до деревни и шлёпнулось на свежую грязь... Не разбилось, не испачкалось, а засветило ещё ярче. Лужа поймала его лучи и засверкала, словно зеркало. Эх, а я надеялся, что солнце взойдёт сегодня вприпрыжку...

Не помню, как выскочил из дома и очутился за воротами. Стою растерянно посреди улицы.

Вчера был обычный день, сегодня – необыкновенный. Вчера я целый день шлёпал в сапогах, а сегодня, хотя на улице по-прежнему грязно, надо надеть новые ботинки – пусть Пасха станет настоящим праздником...

Возле нашего дома есть небольшой участок, где снег ещё не сошёл. От снега осталось одно название, он весь покрыт кружевом из золы, и его можно узнать только потому, что земля в этом месте холодная: я уже несколько раз снимал носки и пробовал наступить босиком. Влетело потом от мамы.

Дом, где живёт Эльби, вправду красивый, поэтому солнце больше смотрит на него. Возле их дома есть даже местечко, которое начало подсыхать. Мы вчера с Эльби нарочно долго ходили по нему взад-вперёд: шлёп-шлёп-шлёп! Земля под ногами не месилась, а твердела, как тесто для лепёшек. Сегодня там запросто можно играть.

Зайти бы с утра к Эльби, но вдруг её мама усадит на подушки? Придётся тогда сидеть на пуховых громадинах тихо-тихо, не шелохнувшись, чтобы не потревожить гусыню: она высиживает яйца в большой корзине, которая стоит у них под кроватью... Гляжу, а Эльби уже стоит возле своего дома! Она сегодня в новом платье, но я всё равно сразу узнал её. Радостно бросился к ней. Но в сердце не только радость... Сегодня я сам не свой.

– Эльби!

Я помчался так быстро, что вдруг испугался, не прошёл ли сквозь Эльби. Но нет, оказывается, просто перелетел через неё. Как это вышло? Эльби как раз нагнулась: на красивые блестящие сандалики попали капельки грязи, и она слюнявит пальчик и чистит новую обувь.

– Что с тобой? – Эльби прищурила один глаз и смотрит снизу вверх в мою сторону.

Даром что девчонка, а сразу почувствовала, что со мной творится что-то неладное. Никому не хотел говорить, думал, на Пасху, которую ждал целый год, сумею заставить себя радоваться, а переживать буду завтра... Оказывается, в жизни так не получается.

Эх, сегодня утром не только солнце шлёпнулось на землю... Вместе с ним упал чудесный бабушкин амулет и разбился вдребезги. Я не кидал его, он сам упал, но кто станет винить вещь? Если бы амулет, как солнце, нырнул в грязь, можно было бы помыть его... А то, что разбилось, обратно не склеишь. Бабушка ещё не знает. Пока никто не видел, я собрал осколки

в холщовый мешочек, но не знал, куда деть мешочек, и спрятал в бане на чердаке...

Рассказать обо всём Эльби? Нет, перед девчонками нельзя быть слабаком. И так солнце наверняка увидело мои мысли. Если не солнце – небо уж точно. Если не небо, то ветер. Если не ветер, то ива. Если не ива, то трава...

Так и придётся маяться, пока бабушка не узнает. И поливать траву мужскими слезами... Даже не представляю, что будет, когда все узнают.

– Твоя мама уже родила ребёночка? – не унимается Эльби. Девчонки они такие, не успокоятся, пока не расспросят обо всём.

– Нет пока, – я решил, что если буду тянуть время, она сама отстанет. И достал из кармана новеньких штанов мешочек. – Обойдем соседей? Сегодня надо ходить из дома в дом и собирать пасхальные гостинцы.

Решили начать с конца улицы. Шагаю вслед за Эльби с понурой головой. Это был не обычный амулет – вот в чём беда. Был бы как в магазине, сказал бы бабушке: «Не переживай, бабушка, вырасту, заработаю много денег и куплю тебе ещё краше, который вовек не разобьётся. Бабушка, я куплю тебе амулет из золота!..». Разбившийся амулет был сделан всего-навсего из блестящей глины, но старинный! Он достался бабушке от её бабушки, а той – от её бабушки... «Амулет всегда надо хранить в семье, а через семь поколений, когда родится девочка, передать ей. Иначе наш род постигнет суровая кара», – так будто бы сказал когда-то наш далёкий прапрадедушка. Я не очень понимаю

всех этих слов, но мне очень боязно. Я знаю: нет ничего страшнее старинных проклятий. Что теперь будет? Ведь сестрёнка ещё только в животе у мамы, она должна родиться сегодня или завтра. Она даже не успела увидеть завещанный ей амулет!

– А если родится не девочка? – спрашивает Эльби.

Она что, читает мои мысли? Я пропал! «Какое тебе дело?» – хочется сказать мне в сердцах, но её глаза смотрят ласково.

– Врачи знают, – бормочу я, и сам едва слышу себя.

– Врачи не боги, могут и ошибиться, – она по-взрослому хмурит лоб.

– Может, врачи тоже ошибаются, но у них есть аппараты, которые знают всё. Мы с мамой уже выбрали имя для сестрёнки.

Идём дальше. Новые башмаки сплошь в грязи. Что поделаешь, разве мы виноваты, что на праздник нет хорошей погоды? Меня одолевают сумбурные мысли. Вдруг я вздрагиваю: а если мама с сестрёнкой умрут в больнице?! Сам слышал, как бабушка переживает. «Как уж родит... Не к добру, видать, душа у меня не на месте. Сказано же: женщина на сносях одной ногой всегда в гробу... Господи, помоги», – делилась она с соседкой тётей Марьей.

– Всё равно. Вот возьмёт и родит мальчика...

«Вот оно, спасение!» – мелькает в голове. Мне хочется тут же изо всех сил обнять Эльби. Вдруг и вправду у мамы родится ещё один мальчик? Тогда моя вина будет не такая страшная: никто не завещал передавать амулет мальчику! Мама больше не пойдёт в больницу

за девочкой – сам слышал, как они шептались с папой. А позже, когда придёт время рожать нашим жёнам, чувашские боги забудут про амулет... Может, мы и сами не вспомним своих богов: висит же сейчас у всех в красном углу икона. Русский бог помогает жить и не переживать; если постоянно покупать свечки, он всё простит.

Сердце вроде бы успокоилось, но ненадолго, вскоре снова заняло. Если боги и забудут, амулет сам напомнит, он же необычный. Ка-а-ак свалится на нас проклятие!

Получается, чудесный амулет несколько веков оберегал нашу семью. Говорят, на нём старинными буквами написано про счастье. А когда он разбился, наверное, слова потеряли друг друга и теперь ничего не значат. Что будет оберегать нас впредь? Вдруг папа нас бросит? У Эльби будут и папа, и мама, а у меня... Как нам тогда жить без папы? Наша жизнь тоже разобьётся вдребезги, как амулет... Амулет разбился, настроение плохое, сам как изгой... Неужели вместе с семейной реликвией рухнул весь мир?

Крашенных яиц набралось целый мешочек. И у Эльби полный подол. Всё равно я не чувствую радости. Не получилось порадоваться на Пасху.

– Пойду домой, – кое-как выговорил я.

– Не обижайся на меня, – просит подружка, хотя она ни в чём не виновата. Её карие глаза смотрят ласково-ласково...

– Когда мама родит мальчика и вернётся домой, позову тебя отведать гостинцев. Из больницы всегда передают много всякой вкуснятины...

В бане на чердаке темно словно ночью. Будь что будет – я лёг и стал ждать, когда сбудется проклятье. Вот как шандарахнет! Нет... Сейчас как шандарахнет!.. То ли час пролежал, то ли два, и вдруг вздрогнул: в щель между досками прорезался ослепительный солнечный луч и тут же, точно золотое копьё, вонзился в мешочек с разбитым амулетом. У меня волосы встали дыбом. Наверняка, это никакой не солнечный луч, а перст проклятья, и он указывает на мой грех! Вот обовьёт мне шею как змея...

– Мама! – закричал я, бросаясь подальше от солнечного луча в тёмный угол.

Меня никто не услышал, никто не прибежал на помощь: мама ушла рожать дочку... Нет, сына. Я сам виноват, сам и буду терпеть.

Солнечный луч, будто упырь, исчез из той же щели, из которой появился. Пусть будет темно. На свету тоже темным-темно, если закрыть глаза.

...Какое красивое утро! Тепло, солнечно, погода так и сияет! Посреди лета обычно бывает Петров день, а не Пасха.

– Нынче Калам* не такой как обычно, – из-за кустов со спелыми ягодами доносится бабушкин голос. А самой бабушки не видно. Я тру сонные глаза.

---

* Калам (чув.) – весенний праздник чувашей-язычников. По времени празднования совпадает с Пасхой.

– Бабушка, где мама? – спрашиваю я, сикая на грядки с цветами.

– Нельзя сикать на цветы! – сердится бабушкин голос. – Впредь нам придётся поливать их не водой, а слезами.

– Мужскими? – я тру ладонью грудь слева, где за-
коченело сердце.

То ли душа находится в другом месте, то ли она прячется от меня – боль не проходит и не проходит.

– Мужские слёзы им больше на пользу, но мужчины не плачут...

Душа, которая прячется от меня, видать, вонзилась в горло – жжёт, словно калёным железом.

– Бабушка, когда на сердце очень тяжело, мужчины тоже плачут, – я реву в голос. – Мужчины плачут, когда чувствуют свою вину. Бабушка, подойди ко мне, погладь меня по голове, пусть моя закоченевшая душа хоть немного оттает, перестанет болеть.

– Только слабые мужчины не слушаются старших. Ты вырастешь сильным и смелым. Ты не опозоришь свой род – ты наша надежда и опора. Иначе наша кровь не простит нас.

Из моих глаз текут не слёзы, а кровь. Кап-кап! – капает кровь на цветы. Жёлтые цветы тут же становятся алыми.

– Проклятие вначале падает на невинную душу, невинную детскую душу, – сурово говорит бабушка и вдруг замолкает.

– Мама, где бабушка?

На самом деле я хотел ещё раз спросить бабушку, где мама. Хотел сказать: «Мама где, бабушка?». Но получилось по-другому.

– Если звать так, мать тебя не услышит, – говорит незнакомый голос. Кто-то невидимый протягивает мне горсть ало-красных ягод. – В вашем роду до тебя никто не обращался так к своей матери.

– Анне*! Услышь меня, анне! Кто-то хочет накормить меня кровавыми ягодами! Я не разбивал амулет, я не вру, он сам упал. Верь мне, анне!

– Верю. Но на свете просто так ничего не происходит. Значит, он должен был упасть и разбиться. Мы совершили что-то непоправимое, чем-то не угодили нашим богам, совершили грех. Но делаем вид, что не понимаем причины, – слышится обессилевший мамин голос.

Почему вокруг меня одни голоса? Где мама? Где бабушка?

Крошечная девочка движется по воздуху. Сказал бы, что летит как розовая бабочка, но она шагает. Сестрѐнка пока не привыкла ходить по земле.

– Неонила! Сестрѐнка! – я узнаю её и радостно устремляюсь навстречу, но ноги остаются стоять на месте. – Где наша мама?

– Какая мама? – спрашивает она, хотя не умеет разговаривать.

– Мама. Наша мама. Ну, ан-не...

---

* Анне (чув.) – мама.

– Анне больше не придёт к нам. Она ушла искать для меня какой-то старинный амулет. Старинный амулет, на котором написано моё настоящее имя. Я знаю: ей его не отыскать...

– Мама! Мама!.. Анне! Не уходи!..

Я проснулся весь мокрый. Хочу открыть глаза и не могу. Может, они наполнились кровью и склеились так, что их вовек не разлепить? Поднял веки двумя пальцами и открыл: никакой разницы, по-прежнему темно. А если я ослеп? А если луч... Нет, вдруг не солнечный луч, а перст проклятия ослепил меня? Ну и пусть,

лишь бы на этом всё закончилось. Некоторые люди с рождения не видят, я тоже проживу.

Ползу, шаря руками перед собой. Вот нащупал лестницу. Спустился. На улице тоже крошечная тень. Но на небе мелькают звёзды. Значит, я вижу, я не ослеп! Господи, я вижу! Стою посреди огорода, воздев руки к небу. Порывы ветра словно хотят высушить мою рубашку, намокшую то ли от слез, то ли от пота. Кажется, свежий ветер влетел мне в грудь.

– Небо, пожалей меня, прости, если сможешь... Солнце, не вини меня... Ветер, не упрекай... Трава, смилуйся надо мной... Эй, облака! Не уносите мою маму... Мою анне. Прошу вас...

Я не знаю, как надо молиться. Древние звёзды неотрывно наблюдают за мной. Наверное, на них тоже что-то написано, но глазам не под силу это увидеть.

Я оглядываюсь, потому что сзади кто-то сверлит меня взглядом. Но это я сам! Стою в четырёх-пяти метрах, глядя сам на себя. Обвисшая пасхальная рубашка колышется на ветру, руки вытянуты к небу... Или я так исхудал, иссох за один день, потому что не ел со вчерашнего вечера? Кажется, на этом месте стояло прошлогоднее чучело? Погоди, а куда указывает похожее на тень моё второе «я»? Вглядываюсь: боже мой, даже месяц на небе... щербатый! А если завтра взойдёт половинка солнца?! В глазах темнеет, и я падаю на землю...

Я вздрогнул и проснулся: холодно, потолок устлан звёздами. Оказывается, лежу под открытым небом. Земля подмёрзла, покрылась морозным кружевом.

Хочу подняться и не могу – земля не отпускает. «Земля, прости, но мне лучше зайти в дом, как бы ни было, нельзя терять человеческий облик», – крутится в сонной голове. Резко дёрнулся – не отпускает, дёрнулся ещё раз – с треском оторвались примёрзшие к земле полы нового пиджака.

Поплёлся домой. Посреди ночи где-то плачут коты: ау-у, ау-у...

Зашёл в дом.

– Ау-у, ау-у! – орёт на весь дом кошка.

– Брысь! – кричу я. Вместо того, чтобы сказать: – А вот и я.

Все делают вид, будто не замечают меня. Ладно, так даже лучше. Погоди, и мама здесь!

– Анне! Ты вернулась? – кричу я, сам пугаясь своего голоса. Кошка и та замолкает.

– А вот и наш братец явился! Мы с Сарбиге давно дома, – обнимает меня мама.

Я вдруг почувствовал себя взрослым: брат! Будто сразу стал выше и сильнее.

Смотрю, на столе полно гостинцев. Надо позвать Эльби. Я надел другой пиджак и по-мужски крепко взялся за ручку двери.

– Куда собрался среди ночи? – из-за занавески появилась бабушка... с амулетом в руке. Моё сердце так и разорвалось.

– К Эльби, – ответил я и нырнул в темноту.

Хруст-хруст! Хруст-хруст! – под ногами с треском ломается хрупкий ледок. А моя рана саднит ещё больше.

В доме Эльби окна ярко светятся. Хотел подойти и постучаться в окошко, приподнявшись на цыпочки, но остановился. Что за амулет был в руках у бабушки? Неужели нашли осколки в бане на чердаке и склеили? Почему тогда хотя бы не посмотрели на меня с укором? Или махнули рукой: мол, этого балбеса всё равно не исправить?

Хруст-хруст! Хруст-хруст! – я спешу обратно.

– Бабушка, прости, у меня не получилось быть хорошим, как дети у других людей. Амулет... он сам упал... И разбился. Правда...

– Нет, внучек, – бабушка нисколько не огорчилась. – Этот амулет никогда не разобьётся, потому что он настоящий. А тот был понарошку, чтобы обмануть злых духов...

Девочка из города

– А-апч-хи-и!

– Чтоб твой длиннющий нос воронам радость принёс!

Я выглянул в окно и застыл от удивления: засохшие деревья ожили, все до единого! Что происходит?!

– Весна пришла! – бабушка достала из ящичка красивые бусы.

Петух, разгуливающий во дворе, тоже заметил перемены. Он радостно слетел с крыши сарая и совершенно по-новому прокричал своё ку-ка-ре-ку-у! Курицы обрадовались, тут же все разом безудержно закудахтали. В самом деле, что происходит?

– Весна пришла! – дедушка сдвинул лохматую шапку набекрень. У самого от головы идёт пар.

Мои губы сами собой раздвинулись в улыбке. Это тоже странно, есть от чего растеряться.

Я видел собственными глазами: каждый год листья на деревьях улетают вместе с птицами на юг. Птицы уже вернулись, я их встретил, а листьев нет и нет. Вот деревьям и пришлось выпустить новые листочки. Такие вот дела.

Когда поля, луга зазеленеют и зацветут цветы, к нам в гости приедут тётя с дочкой. Они живут в городе. Бабушка ещё зимой говорила. Значит, неожиданности только начинаются...

Из автобуса вышли двое и направились в нашу сторону. Одна фигура тёмненькая, другая светлая; одна худощавая, другая полная – они совершенно разные. Удивительно, как я догадался, что это мама с дочкой.

Худенькая темноволосая тётя обняла меня и сказала с улыбкой:

– Знакомься, это Анжелика. Будет нянчиться с твоей маленькой сестрёнкой. А сейчас покажи ей деревню. И друзей своих позови. Анжелика ещё нигде не была, впервые выехала из города. Только помните, она – русская.

Запомнить-то можно, только какая мне разница? К тому же, непонятно: если тётя с дядей – чуваша, как у них могла родиться русская дочка? Ошибка вышла, не иначе.

– Ладно, – сказал я торопливо, чтобы не показаться бестолковым. – Русская – значит русская. Подумаешь! Из-за этого солнце из кувшина не взойдёт.

Собрались с ребятами, и пошли всей гурьбой по деревне. Мальчишкам с соседней улицы палец в рот не клади, они тут же сочинили частушку о моей гостье:

Анжелика, Анжелика!

Где тут Анже? Где тут Лика?!

– Если будете дразниться, у вас у всех слипнется! Знаете, как у насмешников бывает? – говорю я ворч-

ливым тоном, будто стал старый-престарый и знаю обо всём на свете. – А ещё растолстеете!

Моей гостье хоть бы что, она не только не обиделась, но ещё и улыбается.

– Это пруд, – я вспомнил, что должен показать ей деревню. – Он всю зиму нас кормит.

– Как кормит? – удивились ребята. Встали, как вкопанные и смотрят на пруд, будто видят его впервые. – Не ври, здесь зимой никто не ловит рыбу.

– Гуси и утки где летом плавают?

– На пруду, – хором отвечают они.

– А зимой мы что едим?

Моя гостья почему-то не проронила ни звука, всё время молчит. Наклонила голову и, не отрывая глаз, смотрит, как играют волны. То ли есть мы для неё, то ли нет. «Вдруг она немая, не может говорить?» – думаю я про себя.

Шагая по берегу, мы приближаемся к ферме.

– Это ферма, там живут коровы. Отсюда везут в магазины сладкие сырки, мороженое.

– Не болтай, – возмущаются опять мои друзья. А у самих глаза загорелись: хорошо бы заглянуть на ферму, вдруг на самом деле всё так и есть.

– Из чего делают творог, мороженое?

– Из молока, конечно...

– То-то. Наши коровы кормят город!

Тётина дочка по-прежнему молчит. Ей коровье мычание больше в диковинку, чем самые сладкие сырки.

Вышли в поле. Здесь и небо, и земля, и ветерок какие-то другие.

– Чувствуешь, как пахнет калачами? – спрашиваю я гостью. – Хлеб, баранки, пряники растут у нас на этом поле. Верно, ребята?

Все молчат. Никто даже не скажет, мол, хватит ваньку валять. Получается, ничем не удивили гостью. Она заметила над полем жаворонка и не спускает с него глаз, синих-пресиних, как небо. Бедная птичка, словно заморожённая её взглядом, ни взлететь повыше не может, ни опуститься на землю. Так и колышется в воздухе на одном месте, как бумажный змей на верёвке.

– Ну как, понравилась тебе наша деревня? – я не выдержал и сам спросил у немой красавицы.

Дядина дочка посмотрела на меня, словно заметила только сейчас, и вдруг сказала, как отрезала:

– Я русская! Говори по-русски.

Вот тебе на! Такая большая, а по-чувашки не знает. Как ей помочь? О чём только думают её мама и папа?! Оказывается, тётя это имела в виду, когда сказала, что она русская. Зря только башмаки истоптали... Ладно. Лучше пойдём домой. Играть-то уж наверняка умеет.

И туч на небе не было, а дождь – откуда ни возьмись. Придётся сидеть дома.

Дедушка задремал с газетой в руках. Сам храпит, а очки на носу продолжают читать газету. Наверное, они могут наблюдать за всем, что происходит вокруг. Или когда дедушка спит в очках, он может лучше разглядеть свои сны?..

Гостья зевнула так, что ей в рот запросто могла залететь сова, и вяло опустилась на стул.

Что ж, играть не получится. Неожиданно и меня потянуло в сон. Креплюсь, как могу, чтобы не уснуть раньше девчонки. Может, гостья дуется на меня, что таскались по деревне без толку, и она выбилась из сил?

Анжелика свернулась калачиком на диване и сладко засопела. Вот тут и начались настоящие чудеса! У меня даже сон прошел. Сижую, наблюдаю за ней, будто смотрю мультфильм. На её лице играют веселые лучики, словно на улице светит солнце. Губы то и дело растягиваются в улыбке. Рада, что увидела столько нового?.. Или ей так понравилось в деревне?..

Я смотрел, смотрел, но так и не догадался, что снится нашей гостье.

Ну и ладно. Этих городских всё равно не поймёшь.

Жестяные салазки

С громким треском раскалывается берёзовый кряж. Топор в дедушкиных руках так и играет, словно игрушечный. Вокруг легко, будто щепки, разлетаются поленья.

Мой топорик раз за разом утыкается в угол бруса, застревает, потом кое-как, с трудом, вытаскивается обратно. А дедушка будто и не замечает моих мучений, знай себе приговаривает:

Ри-та-та! Ри-та-та!
Поколи-ка ты дрова!
А я щепки соберу,
Сразу баню затоплю!

Кто такой Ритата? Почему дедушка его зовёт? Он что, дрова любит колоть? Но сколько я не ломал голову, так ничего и не придумал. Пришлось спросить у дедушки.

– Ритата? – переспросил он. Дедушкин топор наскочил на сучок, и он долго возился с брусом. Когда ждёшь, время тянется так медленно! – Завтра отправлю

тебя в Тойси, на Агадуй*. Всё, что есть на свете интересного, соберётся там. Завтра произойдёт то, что в другое время и представить невозможно...

Неужели?! Это так счастье сваливается на голову?! Но... Как выглядит Ритата, как мне его узнать?

– Как увидишь, сразу поймёшь, что это Ритата. Даже сомневаться не будешь, – дедушка словно подслушал мои мысли. Сам, сопя и покряхтывая, продолжает возиться с чурбаном.

– На чём отправишь? У Ленкиного папы есть мотоцикл, может, на нём?

– Не пристало прибывать на Агадуй абы на чём. Запрячь ишака или оседлать верблюда было бы куда лучше, но у нас их нет. Придётся отправить тебя на жестяных салазках.

– На жестяных салазках? Разве бывают такие?

– Эгей, как уж тебе объяснить... – прячет улыбку дедушка.

Точно знаю – ни за что не скажет больше ни слова, разве что подмигнет: мол, завтра сам всё увидишь.

Оказывается, чего только не бывает в жизни! Даже не могу сказать наверняка, смогу ли я когда-нибудь узнать всё-всё на свете.

Жестяные салазки!.. Какие они из себя? Если на них можно ездить летом, значит, это не обычные сани. Может, тарантас? Или настоящая карета? Должно

---

* Агадуй (чув.) – народный праздник, который отмечают после завершения весенних полевых работ.

быть, красивые узоры блестят на солнце, колокольчик под дугой звенит-позвякивает... Едва услышав звон, Ритата нежданно-негаданно оказывается рядом со мной...

Утром не успел разлепить глаза, а уже стою на ногах. На небе видны и солнце, и луна – вот с какого явления начинается этот чудесный день.

Вот это да! А это ещё что за невидаль? Среди облаков появилась какая-то громадина и начала опускаться на нашу деревню! У меня перехватило дыхание: это же жестяные салазки! Сам того не заметив, я ринулся им навстречу, стараясь не упустить из виду. Мысли мчатся впереди, ноги еле поспевают следом. Запыхался, но останавливаться нельзя. Бегу по чужим огородам, топча грядки; вот перепрыгнул через забор, а столб позади с треском обвалился; перебежал по дощатому мостику на другой берег – мостик жалобно застонал под моими ногами; с разбегу сильно споткнулся о сухой ком земли, но нет времени остановиться и хотя бы чуть-чуть перевести дух...

Куда уносятся жестяные салазки? Или ветер нарочно, чтобы подразнить меня, уводит их как можно дальше от нашей деревни? Всё равно догоню, иначе какой из меня мужчина!

Издали странная повозка похожа на облетевшую головку громадного одуванчика. Глянул получше – а на ней висит человек! Видать, управляет вожжами. Это он, Ритата!

– Эй, возьми меня с собой! – закричал я, едва переводя дыхание, и не узнал собственного голоса. – Ритата! Ритата, слышишь?!..

Бежал-бежал, бежал-бежал и очутился на поляне возле соседней деревни, где проходил Агадуй. Необычные салазки приземлились как раз там. Стал пробираться сквозь толпу.

– Парашют! Парашют! – шумят вокруг люди.

Внезапно на меня с размаху налетело что-то огромное и тяжелое. Не успел крикнуть «Мама!», как из глаз брызнула молния, на лбу выскочила шишка с перепелиное яйцо. То ли открыл глаза, то ли закрыл – не помню, мир вокруг стал качаться из стороны в сторону. Как я попал на этот... корабль? Или это всего-навсего лодка? А где вёсла? Вот они, здесь. Схватил их и гребу, гребу. Волны расступаются, словно люди. Впереди маячит какая-то странная фигура. Наверное, клоун. Он подошёл ко мне и отобрал вёсла. Не сказав ни слова! Не успел я очухаться, а он встал на мои весла и зашагал на них. Может, в это трудно поверить, но врать не умею. Голова почему-то гудит, но собственными глазами видел – встал и зашагал, как высокий-превысокий солдат на деревянных ходулях. Я остался сидеть в лодке без вёсел. Что теперь будет? Лодка уплывёт по течению? Что остаётся делать: плыву, как щепка, сам не зная куда. Когда стал приходить в себя, сообразил: это не вода течёт, это волнуются люди, которые собрались на Агадуй!..

Я прибыл на Агадуй на жестяных салазках, собственными глазами увидел Ритату – теперь можно и домой. Меня, сияющего от счастья, тётенки в белых халатах довели на машине до самых ворот, занесли в дом и даже уложили на перину. Наверняка сам Ритата велел оказать мне такие почести, потому что считает своим другом! Ну и ладно, не то важно, что на обычной машине вернулся. Главное, не абы на чём попал на Агадуй, не испортил праздник! Погоди, а почему бабушка сидит возле меня и плачет? Или у неё мешок со слезами переполнился... Едва успел так подумать, как тут же провалился в крепкий сон. Или потерял сознание...

Театр

Добрая как весенний лёгкий ветерок новость долетела и до нашей улицы: к нам в деревню приехал театр! Говорят, очень издалека, из города Петербурга. Ещё говорят, будто у артистов не жизнь, а сказка – знай себе играют да веселятся. Интересно, какие они, артисты?

Послушал, что говорят взрослые. Оказывается, артисты – самые что ни на есть обыкновенные люди. Просто работа у них такая: они выходят на сцену и изображают, как бывает в жизни. А все, кто сидит в зале, верят им.

«Если выходишь из театра и не плачешь, то деньги на ветер, – женщины собрались посреди улицы и стоят, рассуждают. – Насмеяться до слез – тоже хорошо».

Я артистов своими глазами ещё ни разу не видел. Как только увижу, обо всём вам расскажу.

Пока ходил и размышлял об артистах, солнце склонилось к закату. Теперь надо набраться смелости и попросить денег. Вернулось стадо. Я встретил наших овец, пересчитал их всех, загнал в хлев и подошёл к бабушке. Сказал, что билет стоит один рубль.

– Целый рубль?! На рубль можно купить пять буханок хлеба, – растерялась она. – Сходить в кино стоит всего пять копеек...

Я расстроился и пошёл к соседской Ленке. Или хотел ещё больше огорчиться, наблюдая, как подружка собирается в театр?

Оказывается, её тоже не пускают.

– Давай сделаем так, – Ленка любит придумывать всякую всячину. – Пойдём к вам, и я скажу, что мне дали денег, но идти в клуб одной не хочется. Если ваши узнают, что у меня есть деньги, они не захотят отставать от соседей, дадут тебе рубль. Потом придём к нам. Ты покажешь моей маме свою денежку, и она тоже не захочет отставать от людей. Взрослые всегда так поступают, я заметила.

Так и сделали, но из нашей затеи ничего не вышло: если денег нет, значит нет. Как теперь быть? Пока день напролет думал о театре, загадал про себя: если посмотрю сегодня спектакль, то стану артистом, когда вырасту! Неужели моя красивая мечта погибнет, пропадет понапрасну? Нет, отступать нельзя. Может, смогу что-нибудь придумать?

Сел и сижу, думаю, а голова такая тяжёлая от разных мыслей. Подошла бабушка и ласково провела по волосам.

– Сегодня из Сибири приехал твой дядя с семьёй. Они остановились у тёти.

– Хорошо...

– Наверняка пошли посмотреть на артистов...

– Эх...

– Не вздыхай. Надень пиджак, новые штаны и беги скорее в клуб. Ленку тоже позови. У дяди наверняка есть деньги, увидит вас и проведёт с собой...

– Раз уж в театр собралась, неужели надену юбку, которая не нравится? – Ленка так обрадовалась, что болтает без умолку. – Не идти же в клуб в новой юбке только потому, что она новая? Я надела сначала любимую, а поверх неё – новую. Старенькая, которая мне нравится, будет для меня, а нарядная – для людей.

Мы с Ленкой, на которой развеваются сразу две юбки – одна поверх другой – добрались до клуба. Не пускают. Дяди с тётей и их детей, которых я видел только на фотографии, нет и в помине – мы опоздали. Хоть плачь...

Буравлю глазами дяденьку, который стоит возле двери. Только бы он меня заметил. Увидит мои глаза и всё: нормальный человек сразу поймёт, какая у меня самая заветная мечта в жизни.

Сколько ни старался, нарядно одетый дяденька так и не взглянул в нашу сторону. Можно подумать, он слепой: упорно делает вид, что нас здесь нет. Не стыдно ему перед детьми обманывать самого себя? Может, он не специально?.. Мне стало жаль его...

Вот-вот-вот, кажется, он поворачивает голову в нашу сторону. Наконец-то! Но не тут-то было. Меня он так и не заметил, только презрительно глянул на Ленкины юбки. Что уж тратить время на несчастные юбки? И для себя надела, и людям приятно...

Вот чудеса! Какой-то парнишка подошел к клубу с ведром, доверху наполненным яйцами. Щёголь возле двери взял и забрал у него ведро – кто же пускает к артистам с яйцами?

Но... Оказывается, этот тип – большой любитель яиц: разбивает их одно за другим и выпивает, разбивает и выпивает. В нашу сторону и не взглянет – видеть, думает, что велика честь. Подумаешь, у нас во дворе тоже полно кур... Кто мог знать, что артисты любят сырые яйца. Нам сейчас ни туда, ни сюда. Если сделаю шаг назад, не бывать мне артистом!

Ну и дела! С ребятами с этой улицы я не знаком, но они на редкость смышлёные. Ещё один деревенский паренёк подошёл к клубу с трёхлитровой банкой молока. Дядечка его тоже пропустил, а банку оставил себе. Подул сверху на пенку и принялся пить молоко. Выпил почти полбанки, потом вытер рот белоснежным носовым платком.

– Если бы знала, принесла бы сметану из козьего молока, – шепчет Ленка.

Ждать больше нельзя. Внутри наш деревенский люд, наверное, уже и плачет, и смеётся, а мы здесь клюем носом. Надо что-то делать, иначе мне никогда не стать артистом...

К тому же, с сытым человеком наверняка легче договориться.

– Салам! – я стараюсь держаться уверенно.

– Салам! – отвечает он.

Ну надо же, и не слепой, и не глухой – всё в порядке! Протягиваю руку – он тоже протягивает.

– Артист, – показываю я пальцем на себя.

– Артист, – он показывает на себя.

– Театр, – говорю я, кивая головой в сторону заветной двери.

– Театр, – возвращает он эхом мои же слова.

Эхо оно и есть эхо, слова его лишь чуть-чуть отличаются от моих. А вот движения рук он повторяет за мной точь-в-точь. Забавный человек оказался. Но мне нельзя долго молчать.

– Ленка, – выпаливаю я, показывая на подружку.

– Ленка, – он тоже показывает на неё...

Он что, передразнивает меня?! Я начал чувствовать себя так, будто смотрю в зеркало и разговариваю сам с собой. Что делать, что делать? Сунул руки в карманы и начал ходить взад-вперёд. Он тоже шагает туда-сюда! Вот насмешник! Артист он и есть артист! Наверное, они все такие. Даже обрадовался на миг: значит, я тоже настоящий артист! Как бы то ни было, я рождён стать артистом! Внезапно правая рука нащупала в кармане что-то мягкое. Думаете, что это? Лягушка! Вспомнил: я же сунул её днём в карман. Так с тех пор там и лежит. Вот удача! Сейчас покажу фокус этому артисту! Будет знать, как в моей деревне надо мной же и насмехаться.

Вынул из кармана правый кулак и протянул в его сторону. Он тоже протянул белую гладкую руку – сразу видно, никогда не полол сорняки. Так-так, хорошо, поиграюсь с ним... Я сделал вид, будто положил что-то ему в ладонь и сунул кулак обратно к себе в карман. Он проделал то же самое. Теперь наступил самый сложный и ответственный момент. Я вынул правую руку и положил ему в руку лягушку. Он как ни в чём не бывало взял её и сунул в карман...

Неужели фокус не удался? Но в следующий миг артист подпрыгнул, словно его укололи иголкой, и завизжал как резаный. Ну и мастак визжать! Захочешь остановить – не остановишь. Не просто кричит, а ещё размахивает руками, словно скидывает с себя невидимых лягушек... Я их не кидал, знать ничего не знаю. Схватил Ленку за руку, и мы прошмыгнули в клуб...

Незнакомые люди на сцене вытворяют такое, что вся наша деревня покатывается со смеху. В зале стоит безудержный хохот. На наше счастье, никто не слышал, как кричит тот потешный человек возле двери. Мы кое-как протиснулись на ближайший ряд и сели.

- Смейся! – велел я Ленке.
- Мне не хочется, – отвечает она.
- Смейся понарошку, – повторил я строго.

Мы принялись старательно хохотать вместе со всеми. Все уже перестали смеяться, а мы не можем остановиться: ха-ха-ха да ха-ха-ха! Уже и артисты перестали играть. Все, кто сидел впереди, обернулись и уставились на нас. Я с укором толкнул Ленку локтем – хоть бы она замолчала, девчонка всё же... Не знаю, чем бы это закончилось, если бы нас не выручил тот щёголь у дверей. Правда, правда, на самом деле выручил.

Он неожиданно с громким криком забежал в зал и, понятное дело, все уставились на него. Может, он и не узнал бы нас среди стольких людей, если бы мы не хохотали без умолку. Не переставая кричать, артист направился к нам. Добрался, схватил меня за рукав и потащил на сцену. Тут уж я перестал смеяться... Плетусь за ним и думаю: если бы сейчас можно было провалиться сквозь землю, было бы куда лучше... Неужели опозорит меня перед всей деревней? Что будет, то и будет, ка-а-ак дёрнулся изо всех сил! Рукав от нового пиджака с треском оторвался. Вот повезло! Я тут же рванул к дверям, а он погнался следом! Можно подумать, я ему дамся? Еще чего! Но в этот момент кто-то подставил мне ножку и я чуть не растянулся. Конечно, упасть мне не дали, подхватили, чтобы не грохнулся об пол. Этот обезьянина (а как его ещё назвать?), который гнался за мной, размахивая оторванным рукавом, схватил меня в охапку, сунул себе под мышку и выскочил на сцену. Я кричу. Нарочно кричу самым про-

тивным на свете голосом – никакого толку. Люди в зале принялись громко хлопать.

– Артист! Талант! Гений! – закричал обезьянина, вскарабкавшись со мной под мышкой на сцену. Стены задрожали. Ругается так, что наверняка ничего святого не осталось. Я пропал! Чего только не наговорил – хорошо, я ни слова не понимаю. Тогда вышел завклубом и сказал по-чувашски, чтобы мне было понятно:

– Васька, он хочет забрать тебя в город учиться на артиста. Говорит, ты рождён быть артистом.

– Знаю, – подтвердил я, громко шмыгнув носом.

Все хохочут – один я не смеюсь. Да и как можно в такой момент скалить зубы? Позор...

– Поедешь? – спрашивают.

– Ещё чего? Не поеду!

– Почему? – тётя Лидюк, которая моет в клубе полы, хлопнула себя обеими руками по бокам, будто гусыня. – Вот если бы я была...

– Ты же есть – вот и езжай, – говорю. – Если я брошу деревню и уеду, кто будет полоть лук-севок, кто будет выгонять овец в стадо? Мне не надо ехать в город, я и дома стану артистом.

Жизнь

и нежизнь

Я всегда, сколько себя помню, живу в своей деревне. Говорят, города большие и красивые, но наша деревня наверняка не хуже, у нас больше двухсот домов! Я обошёл и осмотрел их, как только научился стоять на ногах.

По главной улице проходит асфальтовая дорога. Она давно не даёт мне покоя. И вправду, стоит только вступить на неё, как дорога шаг за шагом уводит за собой. Если я бегу, дорога тоже бежит, когда шагаю — и она шагает. Интересно, а куда приведёт дорога, если идти и идти по ней, не останавливаясь?

Мне очень хочется добраться до края земли. В мыслях, про себя, я был там уже несколько раз. И решил, что край земли похож на берег нашей реки Булы. Идёшь, идёшь и вдруг оказываешься на крутом обрыве. Смотришь вниз — а дна нет! Волосы на голове сразу встают дыбом, хотя я только представил про себя край земли. Вот бы узнать, как он выглядит на самом деле!

Всю ночь думал, хотел понять, как это, когда нет дна. Как по вечерам загоняют домашний скот в хлев,

так и я пытался собрать в голове свои мысли, но зря только мучился. Не могу представить, как это, когда нет дна – и всё тут! Погоди, вот вырасту!..

Вздрогнул и проснулся: край бездонного берега с грохотом обвалился. Я едва успел ухватиться за бурьян. Глыбы земли сорвались вниз и летели, пока не скрылись из глаз. Наверняка до сих пор несутся вниз. Так и придётся им лететь и лететь без передышки, без отдыха, пока не рассыплются на лету...

Нет, так дальше нельзя. Когда голова идёт кругом от вопросов, жить невозможно. Надо встать завтра пораньше и расспросить взрослых. Они всё знают.

Папа с мамой ушли на работу. Дедушка всё ещё дрыхнет.

– Ах, что-то мне воздуха не хватает, – пробормотал я сам себе под нос. Соседская бабка Дарья частенько так говорит.

– Не вздыхай, – из чулана вышла бабушка. – Сказывают, дедушку чёрта так зовут. Только скажешь «Ах!», а он тут как тут.

– Бабушка, где кончается дорога?

Бабушка смотрит на меня, не знает, что ответить.

– Вот наступит Петров день, свожу тебя погостить в соседнюю деревню. Там молодёжь до сих пор водит хороводы.

Посмотреть, как водят хороводы, наверняка интересно, но мне сейчас не до них.

– Если долго-долго идти по нашей дороге, можно добраться до края земли?

– До края земли? – бабушка задумалась. – Нет, дорога приведёт обратно к началу.

– А где начинается земля?

– У нас в деревне и начинается. Выйдешь по асфальту за околицу, пойдёшь по дороге далеко-далеко, а когда-нибудь вернёшься обратно. Только с другой стороны. Хоть пешком иди, хоть на машине, хоть на корабле.

– А если окажешься возле обрыва?

– Какого обрыва?

– На краю земли. Дальше дороги не будет, придётся вернуться обратно.

– Говорю же, сынок, нет у земли ни конца, ни края.

Мысли в голове перепутались, словно нитки в клубочке, которым играет Мурка.

Ладно, допустим, на краю земли нет обрыва – одной бедой меньше. Но как понять, что у земли нет конца и края? Я никогда не видел ничего, что не имело бы ни начала, ни конца.

Я пошёл и сел на склоне холма. Отсюда вся округа видна как на ладони. Вдалеке за лесом земля и небо слились в одну линию. Как их теперь разъединить? Иначе дорога не сможет пройти сквозь них и никуда не поведёт.

Неожиданно я заметил странную картину. В поле в низине, прямо перед глазами, какие-то мелкие существа передвигаются на двух ногах! Может, дети, но таких маленьких детишек я вовек не видел. Суется, будто муравьи в муравейнике.

Вернулся домой только перед заходом солнца. Сидел бы до ночи, но дедушка позвал. Ужинать не хотелось. Сразу нырнул в постель, чтобы быстрее наступило завтра.

Когда проснулся, стадо уже выгнали. Торопливо проглотил немного каши, которую положила бабушка, и стремглав помчался на пригорок, на вчерашнее место. Бабушка осталась ругаться:

– Съел бы хоть пару ложек, тоже мне привереда. Даже чтобы собак гонять, и то силы нужны...

– Ох уж эта ребятня! Что им не сидится на месте? – согласился с ней дедушка.

Мои бабушка и дедушка очень добрые. Если подумать, почему они должны волноваться из-за моих забот? Я-то сам нисколько не переживаю, потому что никакого горюшка у меня и нет...

С другой стороны, нельзя сказать, что меня совсем ничего не беспокоит. Голова битком набита разными мыслями. Крошечные люди совершенно измучили меня, так и мельтешат без устали перед глазами. Чем они заняты? Почему всё время снуют туда-сюда? Сначала направляются в одну сторону, но словно доходят до какой-то невидимой черты и поворачивают обратно. Потом всё повторяется: вперед-назад, вперед-назад... Перетаскивают с места на место какие-то тяжести, которые больше их самих. Видать, тяжело приходится беднягам... Пошёл бы помог им, но от страха сердце колотится: а если они злые? Вдруг потом домой не отпустят?.. Тогда не смогу отправиться искать край земли. Тоже стану крошечным и буду бегать без толку туда-сюда, словно насекомое.

На третий день в голову пришла совершенно новая мысль: а вдруг там как раз и есть нежизнь. Здесь — жизнь, там — нежизнь. Может же так быть? Нежизнь — она, наверное, похожа на болото. А если крошечные человечки угодили в трясину? Им нужна помощь! Надо запрячь лошадь и поехать выручать бедолаг. Вдруг они мучаются так уже сто или тысячу лет? Они крошечные, как точки, может поэтому их никто до сих пор не заметил? Или помочь было недосуг? Взрослые в нашей деревне всегда очень заняты. Правда, правда.

Клянусь, солнце ни разу не видело, чтобы мои папа и мама спали. Если не верите, землю буду есть.

Полдня потратил, чтобы найти верёвку.

Что ни говори, это точно нежизнь... Иначе почему все толпятся на одном месте, словно их туда загнали? Занимаются одним и тем же, будто ходят по какому-то колдовскому кругу... Кажется, напрасно они стараются. Может, привыкли однажды к своему бессмысленному занятию и никак не могут остановиться... То, что лежит поперёк – поворачивают вдоль, то, что вдоль – кладут поперёк, словно иначе и время не движется. Погоди, а вдруг они как раз толкают время сзади, чтобы двигалось?.. Даже не знаю, что ещё может быть, в голове не осталось ни одной мысли, которую бы не передумал...

Как бы закончилась эта история, если бы я под сеновалом не столкнулся с дедушкой. Да так столкнулся – лоб в лоб! Из глаз вылетела молния, и все мои мысли в миг разлетелись врассыпную.

– Что ищешь?

– Верёвку. А ты?

– Тоже верёвку... Погоди, зачем тебе верёвка?

– Пойду спасать крошечных людей. Иначе утонут в нежизни.

– Что ещё за нежизнь? Нет такого слова.

– Дедушка, почему так думаешь? Если есть жизнь, должна быть и нежизнь. Просто тебе некогда было заметить. А я слоняюсь целый день без дела, вот и увидел. Хочу помочь беднягам. Они там суетятся без толку

и не знают, что такое жизнь! Дедушка, ты сам говорил, что жизнь даётся только один раз. Надо их выручать.

Дедушка никак не возьмёт в толк, о чём я говорю. Я догадываюсь об этом по тому, как он дышит. Но всё равно идёт за мной, идёт!

Дошли до пригорка. Остановились.

– Вон! – я показал пальцем вниз.

– Что там?

– Смотри, какие они крошечные. Всё время снуют туда-сюда. Без передышки. Ни солнца не видят, ни неба. Что находится выше облаков, их тоже не интересуется... Дедушка, пойдём и спасём их из беды. Прямо сейчас!

– Однако... – дедушка погладил бороду, словно соображая, что сказать. – Да это же наши, деревенские... Твой папа с мамой тоже с ними...

Постоял, посмотрел какое-то время в даль и горько добавил:

– Не умеем работать ради жизни, живем для работы... Стройка там идет. Говорят, дом для престарелых будет. А некоторые думают, что дурдом. Так, глядя на эту стройку, и состарился...

Дедушка повернулся и зашагал обратно. Я остался стоять и смотреть ему вслед, пока не перестал слышать, что он говорит.

– Поди, это и есть знак, что наступит конец света... Если дети перестанут почитать своих родителей, каково будет жить на белом свете?..

Дядя Партизан

Дядя Партизан переехал к нам из соседней деревни. «Разве это дело – жить одному? Где шестеро – там и седьмой не лишний. Котёл у нас большой, оставайся с нами», – сказала ему бабушка.

Внимательно смотрю на дядю Партизана. Почему папа с мамой его так зовут? Наверное, во время войны партизанил. Я про партизан в кино видел.

Дядя Партизан высокий и крепкий. Морщины нарисовали на его светлом лице столько разных узоров! Он старенький, но шагает очень прямо, только палку из рук не выпускает. Можно подумать, она у него золотая.

Дядя Партизан всегда начинает разговор одинаково. Вначале покашляет, хотя самому совсем не хочется кашлять, потом говорит: «В старину по-другому жили». А в конце добавляет: «Такая вот она, жизнь». Что значит «в старину»? Мне нестерпимо хочется узнать, но оказывается, сейчас старину невозможно увидеть даже одним глазком.

Дядя Партизан упёрся подбородком в скрещенные руки и сидит, погружившись в свои мысли. Я не мешаю.

Сразу понял: с ним можно быть откровенным. Поэтому спросил напрямик:

– Дядя Партизан, показать тебе кое-что?

Старец молчит. Может, я слишком дерзок? Ничего же такого не спрашивал, чтобы долго думать.

– Показать-то покажи... – проговорил он немного погодя.

– Вот! Стихи написал. Прочти.

– Стихи? – дядя Партизан посмотрел на меня удивлённо, но голос у него ничуть не удивлённый. – Дай-ка бумагу.

Чувствую: не верит.

– Я не на бумаге написал...

– А где? На лбу? Хе-хе-хе... Так оно... Судьба тоже у всех на лбу написана. Каков человек, таков и лоб... Только надобно уметь читать...

Ничего не понимаю: он что, шутит с таким серьёзным видом?

– Я почему-то не догадался написать стихи на лбу, – говорю ему. – На ступеньке крыльца нацарапал. Ни бумаги, ни карандаша под рукой не оказалось... Побоялся, что стихотворение убежит и спрячется... Пожалуйста, не говори домашним. Потом сам тряпкой сотру.

– Можешь на меня положиться. Я надёжный друг, – дядя Партизан похлопал меня по спине. – Прочти, что сочинил.

– Ты внимательно слушай. И не смейся. Хорошо?

– Вот мы с Муркой наострим уши и будем слушать.

Когда артисты читают стихи, они нарочно растягивают слова. Мне почему-то не хотелось так делать. И я торопливо пробормотал:

Я живу здесь.

Это счастье, которое свалилось с неба.

Овраги тоже свалились сверху.

Эй, огромные камни!

Бедолаги!

Забыли, откуда пришли...

– Не ребёнок, а философ. Маленький философ. Верно, Мурка?

Что значит «философ»? Вряд ли что-нибудь хорошее. Сам про себя я всегда думал, что вполне нормальный, но вдруг со стороны кажется по-другому?..

– Пожалуйста, не говори нашим, что я философ. Вдруг расстроятся.

– Не переживай, ни слова не скажу. Как захочешь – так и будет. Только удивляюсь своей старой головой: может, ты с этими строчками и пришёл на белый свет...

– Сам не помню, как написал. Строчки сами вдруг появились: то ли в голове, то ли в сердце... Дядя Партизан, артисты пишут стихи?

– Может, кто-то и пишет...

– Хочу стать артистом, когда вырасту. Стихи не будут меня мучить? Не помешают стать артистом?

– Такие могут и помешать.

– Почему?!

– Потому что потому кончается на «у», – лукаво посмеивается дядюшка.

Пооди пойми этих стариков. Дед тоже такой. Начнёт рассказывать сказку, а на самом интересном месте герои у него садятся отдыхать. Прошу рассказать дальше, а он отвечает: «Они пока отдыхают». И на следующий день то же самое, и через три дня. А я хожу и думаю, чем закончится сказка. В конце концов самому придется придумывать.

Только у Мурки никаких забот. Закуталась уютно в свою шубу, закрыла глаза и лежит, мурлычет: «В амбаре много зерна, в зерне мышьяная нора – вот сколько у нас добра».

А вчера узнал, что палка у дяди Партизана вовсе и не золотая. Он ходит с ней, потому что ослеп.

– Совсем без глаз остался, Васька, – сказал он. – Сводил бы ты меня домой в соседнюю деревню... Вот бы было хорошо. Там кое-какие вещи остались. А я подарю тебе кисет. Не просто подарю, а с благословением.

Для меня сходить в соседнюю деревню – раз плюнуть.

– Дядя Партизан, я готов пойти с тобой на край света, о подарках не беспокойся.

Сказать-то легко! Двигаемся еле-еле. Мне хочется легконогим жеребёнком поскакать вперёд, но нельзя. Был бы один, до сих пор три раза обернулся бы туда и обратно. Кое-как сдерживая играющую внутри удаль, стараюсь ступать мелкими шажками.

– На свете нет ничего лучше дневного света, – неторопливо, в такт своим шагам рассуждает мой старый друг. – Слава богу, успел увидеть всё, что было суждено. Пора отправляться в деревню к праотцам. Когда уж придут за мной...

– Нет, даже не проси, туда провожать не стану. Почему ты хочешь переехать к ним, разве у нас не нравится? Если даже придут за тобой, отправлю обратно, скажу, что мы здесь живём в мире и согласии...

– Золотое у тебя сердце, а уста словно мёд... Когда наступает срок, ни у кого не спрашивают, всех уводят в мир иной.

Я думал, под солнцем только один мир. Оказывается, это не так. Но я почему-то не замечал дверей, которые ведут из одного мира в другой. Вот бы обойти все миры,

потом вернуться и рассказать обо всём, что видел. Можно даже на сцену клуба подняться. Непременно надо отправиться в путешествие. Ждать, пока вырасту, слишком долго. Давно хочется добраться и туда, где небо сливается с землёй. Может, найдётся какая-нибудь щель: пролезу, как Мурка – она всегда протиснется, куда ей надо.

Какое-то время плетёмся, каждый занятый своими мыслями.

– Дядя Партизан, – неожиданно для себя брякнул я. – На чём держится тенче*?

---

* Тёнче (чув.) – мир, вселенная.

– Сто лет прожил, и весь свой век искал ответ, сынок. Решил про себя, что он держится трудом. А что скажет маленький философ?

– Я тоже к ста годам найду ответ... Может... Послушай, вот что я подумал... Часть слова тенче значит «вера». Может быть, тенче держится на вере? Моим глазам видится так: есть фундамент тен – вера, а на нем стоит огромный дом, который называется тенче... А ещё есть тенел – ось, вокруг нее земля вращается как колесо. Ой, как они все дружат, эти тен-тен-тен!..

Дядя Партизан то ли слушает меня, то ли нет.

– В кого ты только пошёл? – видать, он решил перевести разговор.

Ну, надо же. Я говорю о самом сокровенном, а у него на уме совсем другое. Зачем ему именно в этот момент понадобилось знать, в кого я пошёл...

– В себя, – отвечаю я тихонько и стискиваю губы. Плотно-плотно. Так закрывают дверь в баню, чтобы не ушел жар.

– ...Когда рушится основание, гибнет весь дом... Фундамент надо беречь, фундамент... Эй, Пихамбар*, не оставь нас... Не дай миру рухнуть...

Пусть бормочет. Настроение у меня испортилось, говорить больше не хочется. И от жары устал. Думаете, легко такому отчаянному сорви-голове, как я, еле волочить ноги?..

Наконец добрались до соседней деревни. Уф-ф, есть все же Бог...

---

* Пихамбар (чув.) – доброе божество.

Как я летал

– Ради рыбалки я на всё готов. Не важно, сколько рыбы поймаешь, главное – посидеть на берегу с удочкой, – Коля Рыбак по обыкновению затянул любимую побасенку. Он всегда рассказывает почти одно и то же, но каждый раз чуть по-другому. Поэтому мы сами его просим: «Коля, расскажи про рыбалку!». Он видит, что мы слушаем, раскрыв рты, и с удовольствием сочиняет свои небылицы.

– Сижу однажды с удочкой. Целый день попадают одни пескари. Что за чертовщина? Такого издевательства сроду не было! Хоть бы одну-две щуки поймать, чтобы ведро не стыдно нести... Вдруг удочка резко дёрнулась. Хотел её вытащить – не могу. И так пытаюсь, и эдак – никакого толку... Вам бы только посмеяться, а мне не иначе как акула попалась. А вот вытащить сил не хватает. Тут я вспомнил, что с самого утра во рту маковой росинки не было. Вынул из-за пазухи еду. Быстренько проглотил краюху хлеба, почти не жевал – а то вдруг рыба уйдёт. Подёргал удочку – всё в порядке, добыча на месте. Собрался с силами, стиснул зубы и ка-а-ак дёрнул за удочку – хорошо хоть леска выдержала – и вытащил весь пруд. Всё вывер-

нулось вверх дном. Вместе с илом, со всем, что было на дне. А вода – настоящий шербет! Каких только рыб нет! Золотые, серебряные, в крапинку... Такие красивые, что глаз не оторвать!.. И весь пруд – вместе со всей рыбой – в моих руках. Страшно даже представить! Недолго думая, свернул я это богатство и сунул быстренько за пазуху. В нужный момент всё пригодится. С тех пор у меня не жизнь, а сказка. Что зимой, что летом – как только захочется порыбачить, достаю из-за пазухи своё озеро и закидываю удочку.

Коля Рыбак замолчал и поставил свой большой бидон посреди тропинки. Я подумал, что сейчас он вытащит озеро и начнёт рыбачить. Но нет, просто нагнулся и принялся отдирать со штанин приставший репей.

– Теперь ваша очередь, – как ни чём не бывало добавил он чуть погодя.

– Если даже клад с меня ростом пообещаешь, всё равно не поверю, – сказал Толик.

– Я тоже нисколечко не верю, – не удержался Серёжа.

– Тогда сами что-нибудь расскажите, – Сашке не хочется прерывать беззаботный разговор. Он то и дело с тревогой поглядывает на тёмные тучи, которые быстро собираются над нашими головами.

Мы ходили за молоком. В нашей деревне никто не держит коров, поэтому все выписывают молоко в колхозе.

На лето коров перевели на луга. Им там приволье. Но нам не особо в радость ходить за молоком так далеко.

Чтобы скоротать путь, рассказываем друг другу всякие небылицы.

– Волки! – закричал вдруг Серёжа. – Целая стая!

– Не кричи! Откуда в чистом поле возьмутся волки? – оборвал его Коля Рыбак.

– Ты обвёл нас вокруг пальца, а ему что, нельзя? – Сашка успел сообразить, что никакой опасности нет.

– Своими глазами видел, они в овраг убежали, – упрямится Серёжа.

– Может, это собаки...

Бабушка рассказывала, что во время войны волки даже в деревню забегали. Так оголодали, что начали нападать на овец. Мужчины на войне, в деревне одни женщины и ребятя. Бабушка ночью услышала шум, открыла дверь, а во дворе стоит волк и смотрит на неё горящими глазами...

Почерневшие тучи, словно вражеские корабли в море, ползут прямо на нас. Внезапно наступил вечер. Кажется, даже Коля перестал думать о рыбалке.

– Айда побежим! – крикнул он.

Тут словно плотину на озере прорвало. Я чувствовал себя куда лучше, пока ребята постарше старались держаться спокойно. Это немного успокаивало, сдерживало страх, который постепенно охватывал всех нас. А теперь шёлковая ниточка надежды порвалась! Словно все только и ждали, что кто-нибудь так скажет, стремглав помчались в сторону деревни! Дети ветра расшвирители, они то борются друг с другом впереди нас, то яростно толкают в спину.

У меня бидон маленький, всего на два литра, и буря раскачивает его, словно листок бумаги. Трясёт так, будто вот-вот опрокинет. Ноги передвигаются тяжело, словно стреноженные. Ветер то и дело ударяет в лицо, в рот, что трудно дышать, пригоршнями швыряет в глаза пыль. Я бы даже не пытался бежать, но боюсь остаться один в обезумевшем поле, и это придаёт немного сил.

Ровное, словно скворода, поле, бескрайняя даль... Природа шутя справилась с нами — мы очень скоро выбились из сил! Громадные тучи, что вот-вот догонят и проглотят нас, может, думают, что мы и не маленькие человечки вовсе, а крохотные соринки? Небо грохочет так, будто сейчас начнётся светопреставление, точит свой ослепительный меч.

Мне во что бы то ни стало надо донести молоко до дома! Там ждет младшая сестрёнка. У мамы пропа-

ло молоко, но разве можно оставить Сарбиге голодной? Разве можно не оправдать доверие своих родных?

Эх, не получилось! Бидон в руках раскачивается из стороны в сторону, крышка с него слетела и улетела, как перышко. Гляжу – у всех так. Ветер поднял в воздух всё, что смог поднять: сухой бурьян, комья земли, ветки деревьев, молоко, слёзы... Или полил дождь? Оказывается, ещё нет. Слава богу! Пока хозяин неба не опрокинул свои бочки, успеть бы до опушки леса добраться. А там и до деревни рукой подать...

Бредём по краю глубокого оврага. Буря безжалостно треплет нас. Я весь взмок, живот затвердел, не осталось ни капли сил. Но хорошо понимаю, нельзя останавливаться, надо идти вперёд. Высоченные деревья гнутся до самой земли, словно травинки, лес гудит, будто его вырывают с корнем. У-у-у! У-у-у! Откуда ни возьмись налетел мощный порыв ветра, засвистел, словно трехголовый змей. Не успели опомниться, а мы уже летим... Все схватились крепко-крепко за дужки своих бидонов, словно за ручку вселенской двери...

Сколько прошло времени – не знаю. Я выполз из-под стога соломы и увидел в лунном свете друзей. Они крепко спят. Погода тихая. На душе спокойно. Всё произошло во сне или наяву? Чудеса. Мы летали без крыльев! Если бы буря не принесла и не бросила нас на стог, как бы закончилась эта история?

Волшебный карман

Моя бабушка – необыкновенная. Что ни скажет – всё сбывается, за что ни возьмётся – ладится как бы само собой. Мне нравится наблюдать за бабушкой: у неё и слова всегда к месту, и движения точные. Можно подумать, глазами слышит, ушами видит. Я тоже хочу быть бабушкой. Не как бабушка, а именно бабушкой. Правда-правда. Только пусть об этом не догадаются ни солнце, ни луна – не к лицу такое мужчине... Однажды тайком от всех померил бабушкино платье, но жизнь не обманешь. Не то что жизнь, даже зеркало не поверило. Оттуда на меня взглянул ещё тот малый: уши – локатором, жёсткие волосы на голове – торчком... Уж кому кем суждено родиться...

К моей бабушке многие приходят за советом. А я сижу и слушаю, аж уши горят! Она знает, в какой траве какая сила. Поэтому люди ходят к ней лечиться.

Ещё у моей бабушки есть... волшебный карман! Мне кажется, он бездонный: бабушка в любой момент может достать из него всё, что нужно. Сколько бы бабушка ни вынимала, в кармане всё равно всё есть.

Мои друзья тоже это заметили, так и норовят что-нибудь выпросить.

– Эх, эта нынешняя ребятня! – ворчит дедушка. – Совсем к работе не приучены. Даже чтобы аппетит нагулять, лишний раз не нагнутся. В наше время годка в три любому дитю занятие по силам находили. А в восемь мы уже за соху держались!

– Верно, привыкли с утра до вечера собак гонять. Целый день напролёт на улице носятся, – соглашается бабушка. По глазам вижу: она что-то задумала.

Правильно догадался. Бабушка подозвала к себе ребят с нашей улицы и ласково так начала:

– Золотца вы мои ненаглядные! Гляжу на вас и думаю: не надоело всё время в одни и те же игры играть?

– Тётя Лида, ты знаешь новую игру?

– Даже могу научить. Когда мы были маленькие, знали сто тысяч игр.

– Сто тысяч?!

– Сто тысяч, не меньше! Бывало, выйдем всей гурьбой в огород, займём каждый по грядке и полем сорняки, пока перепёлку не поймает! Мы знали, как играть!

– Тётя Лида, какая перепёлка?

– В конце каждой грядки есть перепелиное гнездо. Вы не знали? Кто перепёлку поймает – тот и молодец! Из того точно выйдет толк!

– А если не поймает?

– А вдруг перепёлка улетит?

– Пока до конца грядки не прополешь, разве узнаешь? – шепчет бабушка, словно сообщает главный секрет.

– Если не спать на ходу, никуда птичка не денется! – загорается Ленка. – Айда все полоть! Толик, на вашем огороде у картошки ботвы не видно, а бурьян как лес вымахал!

Толик, видать, уже пробовал полоть. Не спешит браться за нудное занятие, хочет получить хоть какие-то гарантии:

– Тётя Лида, а если перепёлку не поймаем, угостишь вкусненьким из волшебного кармана?

– Деточки вы мои ненаглядные! Для вас мой карман всегда полон. И как иначе, вы же так стараетесь, когда берётесь за дело, – лукаво улыбается бабушка.

Просто удивительно, как она может найти общий язык с такими озорниками, как мы! А если говорить про карман, я разгадал, почему он бездонный. Бабушка соединила два кармана: они как бы проторили друг к другу тропинку через спинку жилета, и получился один большущий!

Мы решили начать с Толикиного огорода. День напролёт вихрем кружили по всему участку. Наша гостья из города, Анжелика, работала вместе со всеми. Картофельные ряды стали ровные, как стежки, и чистые: ни одного сорняка! Заодно проредили и свёклу. Загляденье, да и только! Любо-дорого посмотреть на свою работу! Про перепёлку все давно забыли, а про волшебный карман почему-то помнят.

– Иди сюда, деточка, – бабушка подозвала к себе Ленку, которая работала лучше всех. – Какая ты молодчина! Полола, не поднимая головы! Не верхушки щипала, как коза, а даже колючие сорняки выпали-

вала с корнем, – ласково приговаривает моя несравненная бабушка, поглаживая ее за плечи. Ленка покраснелась то ли от смущения, то ли от работы. Бабушка насыпала ей целую пригоршню конфет. Подруга прямо засияла от радости!

– Идите, идите, – зовет бабушка остальных. – Работать не стеснялись, не робейте и награду получить.

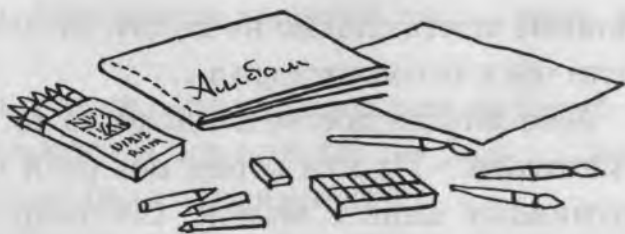
Ребята с нашей улицы выстроились друг за другом. У бабушки гостинцев на всех хватит: крендели, пряники, орехи, вафли, шоколад... Если кто хочет огурца, найдётся и огурец, тому, кто любит горошек, кладёт в ладошку горошек...

– Подождите, – Ленка сегодня сообразительная, как никогда. – Пока не помыли руки, встанем друг за дружкой в цепочку и перенесём сорняки в хлев. Свиньи будут есть и хрюкать от удовольствия. Иначе, если пройдёт дождь, все сорняки разом взойдут...

Ленка очень толковая, я всегда это знал. Но больше всех меня удивила Анжелика. Даром что из города, а нисколечко от нас не отстаёт. Ну, мы и постарались! Трудиться на жаре до седьмого пота – это вам не в игрушки играть! Всё равно усталости даже не чувствуем – на душе так радостно, что просто удивительно. Мы нашли хорошее настроение прямо на грядках – кто бы мог подумать, что так бывает!

– Баня готова. Вьюшку закрыл. Веники мягкие, камни жемчужные – бегите в баню! – Голый по пояс дедушка держит в каждой руке по венику. – Кто первый прыгнет на лавку? Кого веничком похлестать? Грязная работа – она чистоту любит. Эх и лоботрясы, однако...

Гусеница

Ну и сестрёнка у меня! Не прошло и трёх дней, как научилась ходить и немного разговаривать, а деловая до невозможности!

– Не тщи дня! – кривит она губы.

– А сколько?

– Не мешай! Мне некогда!

Она столько раз делала вид, что моет пол, что наверняка залила подпол. Столько раз пыталась стирать, что красивый сарафан превратился в лохмотья. Когда учится печь пироги, кухня становится похожа на мельницу: куда ни глянь, везде мука. Домашние делают вид, что ничего не замечают! А в душе не радуются. А если бы я себя так вёл... Нет, все же девочки – они какие-то другие!

Сегодня сестрёнка замесила тесто и наделала продолговатых комочков. Некоторые соединяет между собой – получаются крендели, другие раскатывает и печёт лепёшки. У маленькой Сарбиге всё так ловко получается!

Думал, знаю о своей сестрёнке всё-всё. Куда там! Но лучше расскажу обо всём по порядку.

Оказывается, моя сестрёнка любит ещё и рисовать. Печка, пол, окна, стены – кругом размалевала. А до

машини опять словно не видят, не слышат, все молчок! Если бы я такое сотворил...

Мне иногда достаётся даже за то, что сижу подолгу с книжкой. «Ты там корни под стул не пустил?» – подтрунивают папа с мамой. Сестрица тут же подходит проверить.

– Нет, не пустил, – докладывает она.

На днях у меня случилась беда.

В наш дом заползла какая-то гусеница и обгрызла моё Чудо-юдо, моё деревце, которое всю зеленело. Обгрызла, конечно, – если бы его кто-то обломал, было бы заметно. Странная такая гусеница, к тому же она ещё иголки крадёт – во всём доме ни одной иголки не осталось: ни я не могу найти, ни Сарбиге. Надо срочно поймать вора!

Мои размышления прервала Сарбиге.

– Посмотри на мою кайтинку, – попросила она. –

Хоть одним глазком...

Я взглянул на её рисунок. Он получился удивительно красивый. Вот вы сами полюбуитесь: осенние деревья, такие радостные, будто вот-вот запоют, выстроились в один ряд друг за дружкой. Жёлтые, бордовые, красные, коричневые... Есть и зелёные. Солнце на небе ласково смотрит на них.

– Осень в лесу! – невольно воскликнул я.

– Это гусеница. Она съела осенний лес, – чуть не плачет сестрёнка.

– Почему тогда солнце радостно смотрит на беду?

– Потому что кайтинка не похожа на беду... Значит, для солнца это не беда. Понимаешь?

– Понимаю, – говорю я. Но сам ничего не соображаю. Если гусеница слопала столько деревьев – разве это не горе? Неужели солнцу всё равно, лишь бы все были живы и сыты? А я на чьей стороне: рад за гусеницу или переживаю за лес? Нет-нет-нет, гусеница не должна быть такой ненасытной, чтобы пожирать всё вокруг и толстеть! Или весь лес хочет проглотить? Мне стало жаль её. Бедняжка, как ей жить дальше? Вдруг лопнет от обжорства?..

Ой, не буду ничего выдумывать. Переживать тоже не стану. Справедливость всё равно существует. Хотя бы солнце: оно всех поставит на место. Поэтому и смотрит так спокойно и ласково. Может, солнцу нужно и дерево, которое прошло через брюшко гусеницы? Я понял.

– Мне нет дела до чужой гусеницы, которая слопала лес и так разжирела. Где та, что объела моё деревце? Можешь найти её?

– Зачем искать? Сейчас найсую, и можешь хоть йугать её, хоть йаздавить.

– Не издевайся.

– Видишь, ты перестал злиться.

– От того, что успокоился, гусеница не найдётся. Надо отыскать эту вредину...

– Может, это не гусеница? Вдйуг это вийус?

– Вирус?..

– Конечно, вийус. Если он даже объестся и станет толстым-пйетолстым, всё йавно его глазами не увидишь.

– Ты откуда знаешь? Если она такая крошечная, точно не смогла бы съесть моё Чудо-юдо... Это самая настоящая гусеница, невообразимо толстая!

– Если гусеница есть, значит, её кто-нибудь видел!

– Может быть.

– Мы покажем тебе кучу йисунков. В нашей дейевне все дети любят йисовать. Если кто-нибудь видел гусеницу, точно найисовал!..

В момент вокруг меня собрались детишки. Девочки и мальчики с листочками в руках выстроились вереницей от нашего дома. Очередь растянулась по всей нашей улице, обогнула улицу Нижнюю и добралась до реки Булы, которая начинается за Лягушачьим переулком. Но толку-то! Гусеницы нет ни на одном рисунке. Дети нарисовали всё что угодно, только не гусеницу.

Солнце село, на небе появилась луна, а на улице зажглись фонари. Только тогда, на моё счастье, нашлась одна замечательная гусеница. Расскажу по порядку.

Эту картинку нарисовал один несказанно умный мальчик, который всего на ладонь выше моей сестрёнки. Гусеница как гусеница, только умеет говорить! (Если честно, мальчуган сам передвигает её бесчисленные ножки и разговаривает вместо неё.) Я раньше

думать не думал, что гусеницы могут разговаривать, а этот малец знает так много!

– Это ты съела зелёного друга? Он был высокий, почти как дерево! – решительно спрашиваю я гусеницу.

– Кошки очень любят комнатные растения, – отвечает она как ни в чём не бывало.

– Какая кошка? Наша Мурка? Этого не может быть! – не соглашаюсь я с нахальной гусеницей.

– Когда кошкам не хватает витаминов, они грызут комнатные цветы...

Неужели правда? Кто знает...

Я поставил один кирпич на другой и взобрался на него.

– Дорогие ребята! – я откашлялся и прочистил горло, как делают взрослые, когда хотят сказать что-то важное. – У вас замечательные рисунки. Вы – настоящие художники!

Окружившие меня мастера кисти и карандаша радостно шмыгнули носами.

– Мне в голову пришла блестящая мысль. Давайте устроим выставку.

– Какую выставку?

– Приклеим рисунки в ряд на заборы и ограды, и получится выставка на всю деревню! Все будут смотреть и радоваться!

Идея понравилась.

– Но сначала я хочу поздравить одного смышлёного парня, который придумал говорящую гусеницу. Как тебя зовут? Павлик? Похлопаем Павлику.

Все разом захлопали в ладоши.

– Павлушка-марфушка, жена твоя без ушка, – крикнул кто-то из мальцов.

Да, нашим ребятам на язык лучше не попадаться!

Павлик только хотел было обидеться и опустить голову, но тут появилась моя смышлёная сестрёнка с гостинцами: в руках у неё и булочки, и крендели,

и лепёшки. Такой аромат! Сарбиге принялась всех угощать. Первый гостинец достался Павлику...

На следующий день наша выставка растянулась на всю деревню: началась она от нашего дома, обогнула улицу Нижнюю и добралась до крутого берега Булы, который тянется за Лягушачьим переулком. Все, кто проходил мимо, очень удивлялись, останавливались, чтобы лучше рассмотреть рисунки. Жаль, праздник продолжался только до вечера, пока в деревню не вернулось стадо. Овцы и козы заметили бумажные листки и сразу накинулись на них. Ошибаетесь, если думаете, что принялись восхищаться красивыми картинками. Как бы не так! Конечно, какой-то момент постояли в недоумении. Потом одна рогатая скотина решительно смяла и затолкала роскошную гусеницу к себе в пасть. Никому и близко не даёт подойти! Жуёт и жуёт, будто бумага вкуснее гусеницы... Следом и остальные набросились на рисунки... Значит, природе угодно, чтобы на свете была и бумага, которая прошла через желудки коз и овец.

Слива

Толик ведёт себя как барчук. Мог бы сливу и дома поесть – но нет, пришёл к нашему дому. Вышел из калитки, огляделся по сторонам, но не заметил никого из ребят и подошёл ко мне, присел рядом. Угостить меня сливой ему и в голову не пришло. А я сижу, глотаю слюни. Во всей деревне слива растёт только у них.

Толик сидит, выплёвывает косточки, а мне потом подметай...

– Я теперь обо всём на свете знаю, – Толик продолжает воображать. – Ничего такого не осталось, чего бы не знал.

– Конечно, – соглашаюсь я. – Тебе восемь исполнилось... Чтобы догнать, мне целый год надо жить.

– Ты меня никогда не догонишь, – бахвалится друг. – Вот стукнет тебе сто лет, а мне уже будет сто один.

– Что верно, то верно, – я не знаю, что возразить, поэтому пытаюсь говорить солидно, как мой дедушка. – Но тогда... Ты захочешь стать молодым, как я.

– Ха-ха... Молодым... Разве в сто лет человек может быть молодым?

– Всё равно моложе тебя. На це-е-елый год! Сам подумай: на год! За это время земля успевает повер-

нуться вокруг своей оси триста шестьдесят пять раз. Даже делает настоящий оборот вокруг солнца!

– Нашёл о чём говорить! То, что написано в книгах, любой дурак может прочитать и узнать, – не удивляется Толик.

– То, чего нет в книгах, может придумать только сам человек.

– Я отыскал совсем-совсем новое.

– Расскажи.

– Если расскажу, оно перестанет быть новым.

– Тогда не рассказывай. Если на то пошло, у меня в голове масса нового. Я тоже не буду ничего говорить.

Толик, наверное, не догадывается, что я нарочно так сказал. Он молчит. Или боится, что вместе со словами улетучатся и мысли?

Какое-то время мы сидим молча, словно оба набрали в рот воды.

– У меня есть одна о-о-очень красивая мечта, – не выдерживаю я. – Если собрать косточки, которые ты выплюнул...

– Нет, и не думай, не буду убирать, – перебивает меня Толик. – Утки у вас есть, подберут мигом. Не переживай. В момент все почистят.

– Дай сказать, – я стараюсь казаться спокойным. – Вот... Если бы мы собрали все косточки и посадили в каждом огороде, наша деревня утонула бы под сливами.

Толик не стал меня больше слушать, встал на колени и стал подбирать в пыли косточки. Бывает иногда, что он старается только для себя, но на самом-то деле Толик – настоящий друг!

Я не успел даже договорить, а он всё понял! Это потому, что мечта у меня такая красивая! Хотел помочь, но Толик ни в какую.

– Пускай земля ваша, но косточки мои, – заявил он.

– Твои, твои...

И вправду, кому не хочется сделать доброе дело? Пусть соберёт. А когда будем сажать, я ему помогу.

Толик собрал все косточки до единой. Бегом перебежал через улицу, потряхивая ими в кармане.

– Я мигом! Кину их на свой огород!

Вот это да! Получается, напрасно я мечтал... Как теперь быть? Толик нарвёт еще слив, придёт ко мне и будет плевать косточками и бахвалиться? А я буду смотреть на него?

Я пошёл в дом. Уткнулся в свой любимый угол и думал целый день. И вправду, можно же сделать так, чтобы в нашей деревне росли сливы! Посадить яблони тоже было бы здорово!

Солнце село. Что будет, то и будет – попробую. Никто не заметит, кроме меня. Но когда сам про себя всё знаешь, на душе ой как тяжело. И отступить не хочется. Ладно, лишь бы польза была.

Но про свои дела и поступки всегда надо говорить честно. Итак, я хочу забраться в сад к Толику и украсть... То есть, сорвать несколько слив... Засунуть руку между досками в заборе и сорвать, сколько поместится в ладошку... Потом закопаю косточки на своём огороде, а когда появятся росточки, пересажу их по всей деревне.

А если рука станет кривая? Или отсохнет?.. Но вон дядя Юман с пустым рукавом живёт-поживает – ничего, нормальный, добрый человек.

Я тоже справлюсь, научусь работать кривой рукой. Зато потом, когда умру после Толика в сто один год, все будут помнить: «Кто посадил этот сад? – Васька посадил!» Мой дедушка любую работу делает на совесть, и всегда так приговаривает...

Вышел на улицу. Она вдруг стала какая-то огромная, пустынная, а я почувствовал себя маленьким. Так

страшно, что кажется, будто даже небо смотрит сердито. И во рту пересохло. Ох уж эта мечта!.. Когда только отстанет? Это же она довела меня до беды... Позвать бы с собой Сашку, но довольно того, что сам беру на себя грех. Разве хорошо, если вдруг в деревне сразу двое мальчиков станут криворукими?

Нет, не стану прятаться, как трусливый заяц. Пойду смело, как солдат, и нарву горсть слив. Цель-то у меня благая. Если будет слишком страшно, придётся рвать с закрытыми глазами.

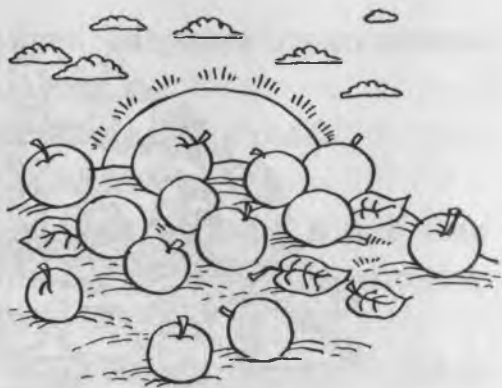
Подошёл к забору. Засунул руку между досками. Дотянулся рукой до деревца...

– Васька! Васька, говорю! Ох уж эти дети! Где только носит его посреди ночи?

От неожиданности я вздрогнул. Сливы соскользнули в рукав рубашки и высыпались на землю.

Операция не удалась. Но когда вырасту, всё равно посажу много-много слив.

Золотое яблоко

Лунный свет нежно просачивается сквозь полог. Луна словно задумала окрасить белое полотно, и поочередно расцвечивает его то голубой, то розовой и зелёной красками...

Я каждый вечер с нетерпением жду, когда наступит время ложиться спать, потому что по вечерам под полог приходит сказка.

Ребята с нашей улицы завидуют, что у нас есть полог. Ни у кого нет, а у нас есть: бабушка сделала. Кто-то из друзей называет полог белым автобусом, кто-то говорит, что он похож на сказочную кибитку. Как бы не называли, никто не может догадаться, с какими чувствами я переносюсь по вечерам в мир снов.

– Согрей постель, – сказала бабушка, по обыкновению погладив мою голову мягкими, словно пух, руками.

За занавеской я хорошо слышу её шёпот: бабушка молится. Я догадываюсь: таким сердечным голосом можно говорить только о самом сокровенном. Волшебный лунный свет смешивается с загадочными словами, и они уводят меня в совершенно незнакомый, неведомый мир...

«...Благослови нас, мама. Пошли добро, убереги от бед. Пусть Господь дарует тебе вечную жизнь в раю, пусть пред твоими очами разливается молочное озеро, а на устах будет мёд...».

Я знаю, она хочет, чтобы её услышала старая бабушка... Придёт или не придёт?.. Постель уже мягкая и тёплая, как летнее белое облако. Рай... Что такое рай? А где находится молочное озеро?..

Я задремал, но как только бабушка приподняла край одеяла, сон улетел.

– Бабушка, когда мы с тобой сходим в рай?

Какое-то время бабушка молчит.

– Никому не ведомо, доведётся попасть в рай или нет. Но тот, кто однажды отправится туда, обратно уже не вернётся.

– Если понравится, могу и не возвращаться! – бойко заявляю я. Потому что точно знаю: я всегда найду обратную дорогу, если захочется навестить своих друзей. – Покупаемся всласть в молочном озере... Или там ничего хорошего?

– Оттуда ещё никто не возвращался, не рассказал, как там и что... А если хочешь узнать про рай... Твоя старшая бабушка, земля ей пухом, так сказывала. Слушай.

«На высокой-превысокой горе, на седьмом небе, блестит на солнце золотой дворец. Если взглянет на него грешный человек, он может ослепнуть. В этом золотом чертоге живёт Верховный Бог со своей свитой. Бог знает всё, что происходит в видимых и невидимых мирах. Возвращает человеку его добрые деяния добром, злые – злом. Вокруг простирается безбрежное молочное озеро, с гор текут медовые реки...»

– Наверное, цветы там цветут круглый год, в саду полно спелых ягод и плодов... А в центре растёт огромная яблоня, вся покрытая золотыми яблоками, – добавляю я. Картины, которые одна за другой возникают перед глазами, словно оживают.

– Верно, сынок, так оно и есть, так и есть, – соглашается бабушка. – Как же иначе? В райском саду непременно растут золотые яблоки – яблоки истины...

– Эх! – глубоко вздыхаю я. Рот наполняется слюной.

В нашей деревне почему-то ни у кого нет яблонь. А колхозный сад, говорят, охраняют с собаками, похожими на волков – к нему близко не подойдёшь.

Я вижу, как яркая звезда опускается на полог, чуть заметно подмигивает мне, и улетаю далеко-далеко, туда, где никогда не был...

Когда проснулся, бабушки рядом не было. Быстренько вскочил, оделся. Даже не заметил, как очутился возле Сашкиного дома: стою, стучусь в окошко. Потом мы вместе побежали за Ленкой и Толиком: решили ни свет ни заря отправиться на дальний холм. Этот холм называют холм Улыпа: говорят, в старину здесь жил Улып – чувашский богатырь. Там, где он присел отдохнуть и стряхнул с сапог налипшую землю, образовался холм. Вот так вот! А сейчас там колхозный сад.

Гурьбой шагаем по грунтовой дороге, из-под ног столбом поднимается пыль. Я, сбиваясь от волнения, рассказываю друзьям про рай.

Что касается пыли, мы только думаем, что это обычная пыль. Посмотрите: она поднимается вверх, превращается в марево и манит за собой в высь. Сегодня что-то случилось с природой. Или это только чудится – на холме, там, где должно взойти солнце, сияет удивительной красоты дом! Едва взглянув на него, я увидел остроконечные макушки, полыхающие, как

свечи, наличники, рассыпающие вокруг сверкающие лучи... Все именно так, как и представлял.

– Не надо туда смотреть! Не то ослепнете! – закричал я, повернувшись спиной к дворцу.

Не помогло. Мои друзья и ухом не повели, вытаращили глаза и стоят, не шелохнувшись, смотрят на дворец. Всё пропало. Друзья больше никогда не смогут увидеть белый свет... Они даже не успели узнать, что такое рай!..

Погоди, но ведь я не ослеп! Выходит, я безгрешный.

– Эй, взгляните по сторонам, видите что-нибудь?

Друзья даже не слышат меня. А вдруг они не ослепли, а оглохли? В их растерянных, широко раскрытых глазах как в зеркале полыхает отсвет дворца.

– Айда на холм! Мы вышли в путь не затем, чтобы смотреть на рай издалека. Когда доберёмся туда, искупаемся в молочном озере и очистимся, поплаваем в медовых реках и станем сладкими, попробуем плодов с золотой яблони и превратимся в бессмертных...

– В бессмертных? Не болтай. Все умирают, когда состарятся: люди, народы, – резко обрывает Сашка, нисколько не считаясь с моими словами. Его глаза не мигая смотрят на холм, словно живут другой жизнью, в ином измерении. Пусть хоть так, лишь бы все были целы и невредимы.

– А вот и нет. Если попадёшь в рай, то обратной дороги уже не будет. Следы людей навсегда пропадают у входа в этот дворец. Земля проглатывает их. Рай – это царство бессмертия.

– В рай попадают только кто не грешил...

– А мы... Разве нельзя прожить без греха, если постараться, а? Дворец уже испытал нас. Мы не ослепли от его сияния, хотя от него даже воздух плавится, – шепчу я, радуясь, что мы все пока безгрешные.

– Пойти – пойдём, но постараемся хорошенько запомнить, как там. А когда вернёмся домой, устроим рай у себя, – даром что у Сашки лоб большой, он по-прежнему не хочет считаться с тем, что я говорю.

– Если каждое утро после утренней дойки выливать молоко в лужу, у нас тоже появится молочное озеро. Сами будем пить молоко по вечерам, – говорит Ленка.

– А как сделать так, чтобы в реке вместо воды тёк мёд? – хлопает глазами Толик.

– Потом придумаем, – решает Сашка. И первым начинает карабкаться на холм.

Больше всего нам хочется поесть вдоволь яблок. Когда доберёмся до сада и отыщем ту яблоню... Если даже не найдём золотую, а с хрустом, как в кино, поедим обыкновенных яблок, будет здорово. Может, удастся засунуть в карман пару штук для бабушки...

– А если встретим самого Господа, что мы ему скажем? – спрашивает вдруг Ленка.

Как тут не растеряться! Никто из нас об этом не подумал. Я вспомнил, как бабушка шепталась с Богом. «Даруй нам радость, даруй достаток, пошли нам день, чтобы его прожить, пошли нам ночь, чтобы пережить ночь, даруй жизнь, чтобы провести его в трудах. Помоги накормить голодного, помоги обогреть замёрзшего...» Но мне пока ничего не надо. Кроме яблок, конеч-

но... «Эй, Господи! Мне бы наесться разочек в жизни яблок», – так, наверное, надо будет сказать Богу.

Толик хлопает глазами – видать, собирается с мыслями. Может, Сашка тоже нашёл нужные слова.

Огромное солнце всей своей мощью улеглось на холме. А мы карабкаемся на него с другой стороны. Это только издалека кажется, что холм близко. Пока взберёшься на него, не раз взмокнешь. «Зимой надо сюда приходиться, – думаю я про себя. – Как покатишься с вершины холма на лыжах или санках – можно сразу влететь в свой двор. Если, конечно, ворота будут открыты».

Вот показались яблони. Ветки сплошь усыпаны краснобокими яблоками, даже листьев не видно! Или это снегири облепили? Откуда летом возьмутся снегири?! Точно яблоки, если даже не верится, всё равно они.

Добрались до первой яблони. Господа Бога не видно. Стоим в растерянности. Сорвать или нет? Со вчерашнего вечера во рту маковой росинки не было – почти все разом громко сглотнули слюну.

Толик оказался самый дерзкий. Подошёл и молча сорвал яблоко. С хрустом откусил. Брызнул сок. Мы опять невольно проглотили слюну. Толик чуть пожевал, и вдруг лицо его страшно скривилось. Мы перепугались.

– Кислятина! Сами погрызите!

Мы не решились сорвать с ветки ещё одно яблоко, по очереди попробовали надкусанное Толиком – и вправду, такое кислое, во рту не удержать. Угрюмо поплелись по тропинке, которая, изгибаясь змейёй, вела наверх. Я не стал выбрасывать огрызок, решил, что может потом

дозреет, сунул в карман. А не дозреет, отдам ягнёнку, он не откажется.

Сверкающий дворец скрылся из глаз. Может, только на время? Или так принято завлекать?.. А где молочное озеро? Не слышно, чтобы текли медовые реки. Мёд, конечно, не вода – журчать не станет, будет течь неторопливо, густо растекаясь во все стороны. Должно быть, над липкой гладью пляшут солнечные лучи, душистый аромат дразнит всю округу. На берегах по обе стороны зеленеют деревья и травы, вбирающие нектар реки. Нам даже во сне не снилась такая красота...

А какое в озере молоко? Только бы не кипячёное – оно невкусное, даже пробовать не стану. А если будто только что подоенное, с мелкими пузырьками, тогда и говорить нечего – готов не только попить, но и искупаться. Эх, благодать! Как только Бог придумал этот мир?!

А как отыскать яблоню с золотыми яблоками? Жёлтые-прежёлтые плоды должны манить к себе издалека... Наверное, коричневые зёрнышки светятся изнутри. Не успеешь откусить, кусочки уже тают во рту. А вкус... Как шербет. Шербет я пока ни разу не пробовал, но думаю, он вкусный-превкусный. Возьмёшь в рот, и во всём теле появляется какая-то летящая лёгкость. И тогда даже если проживёшь двести лет, или пятьсот, или тысячу, лицо не сморщится, как картошка весной... Голос тоже не состарится... И старинные песни всегда будут звучать по-новому...

– Это ещё что за сопляки здесь?!

Мы вздрогнули. Смотрим в ту сторону, откуда раздался голос – никого нет. Господь! Он, наверное,

не сразу появляется перед глазами. От страха я даже забыл, о чём хотел попросить хозяина дворца. Друзья тоже перепугались, аж трясутся. Кто мог подумать, что Бог так напугает! Ни вперёд пойти, ни назад вернуться... Где стояли, там и свалились на землю.

С Толиком что-то стряслось – стоит, растерянно переминается с ноги на ногу. Вдруг, не сказав ни слова, он забежал в кусты. Бедняга мучился там довольно долго. Но откуда ни возьмись, как гром среди ясного дня, загрохотал тот же страшный голос.

– Ты что поганишь райский сад? Наелся до отвала колхозного добра! Даром что малец, а наложил такую кучу!

Ничего не понимая, озираюсь по сторонам. Нет здесь никакого дворца. Может, и не было. То, что слепило издалека глаза, возможно, было просто обманом зрения.

Неожиданно всё встало на свои места. Из-за кустов, волоча Толика за ухо, появился... дядя Тимеркке. Наш друг даже пикнуть не смеет – или у него с перепугу голос пропал? Мы стремительно вскочили на ноги. Многоцветье перед глазами сразу пропало, мир стал обычным. Никакой это не рай! И Бога здесь нет! Или дядя Тимеркке и есть Господь? Вряд ли... Дядя Тимеркке – с одной стороны, он свой, деревенский, с другой – не совсем и наш. Я слышал, будто бы он ребёнком выпал с татарской повозки, которая проезжала по деревне...

Значит, золотая яблоня никогда не росла в колхозном саду? Теперь не у кого попросить яблок, вот что

плохо... Если не золотых, хотя бы обыкновенных... Дядя Тимеркке хоть и не Бог, но всё же человек, должен нас понять.

– Здравствуйте, дядя Тимеркке. Мы хотели попробовать яблоч, вот и вышли в дальний путь, – не удержался я. Иначе бы просто лопнул от своих переживаний.

– Бездельники, яблоч они захотели. Выворачивайте карманы. Живо, – с издёвкой произнёс дядя Тимеркке. Зря я на него надеялся.

Думал, что придётся вытерпеть только эти насмешливые слова. Карманы всё равно пустые, надо просто стиснуть губы и потерпеть. Но оказалось, самое страшное было впереди.

– Ату их! – крикнул он вдруг. Тут же с другой стороны, чуть ли не с неба, выскочили собаки, огромные, как телята, и понеслись на нас! Худощавые охотничьи собаки с длиннющими ногами! Они нисколечко не похожи на деревенских. Мы ринулись врассыпную! Хочется бежать быстрее, но ноги заплетаются, стали такие тяжёлые, будто в миг налились чугуном. «Ха-ха-ха...» – звучит в ушах издевательский смех дяди Тимеркке. Вот Сашка бросился в сторону и упал, покатился кубарем. Ленка обронила сандалю и громко плачет. Толик с изменившимся лицом несётся впереди всех.

Только повернул голову, чтобы посмотреть, не догоняют ли собаки, а одна ка-а-ак укусит меня! Под коленкой нестерпимо обожгло. Я понял, что погиб! Упал ничком и лежу на земле. «Сейчас умру», – мелькает в голове. Я слышал, это очень опасно, когда кусает

бешеная собака. А эта лохматая наверняка бешеная, иначе зачем бы гналась за невинной ребятнёй?

Приготовившись умирать, я закрыл глаза, аккуратно сложил руки на груди. Попасть бы в рай! Потом, когда настанет время, вызову туда Сашку с Ленкой, Толика. Вот наедемся яблок!

Лежу не шелохнувшись, но всё никак не умираю и не умираю. Вот очень близко послышалось собачье дыхание. Заодно, кажется, почувствовал, как и сам задышал по новой. Эта тварь лизнула меня горячим языком в щёку. Бессовестная.

– Не бойся, не укусит, – доносится откуда-то сверху ликующий голос дяди Тимеркке.

И лежать больше не хочется, и вставать боюсь. Заплакать от нестерпимой боли тоже опоздал. Кое-как приподнялся, опираясь на локти. Встал. Попытался сделать шаг, но тут же скорчился от жгучей боли. Всё же пришлось стиснуть зубы и стерпеть: не позориться же перед злодеем. Прихрамывая, поковылял вниз с холма...

Когда волоча ногу, словно чужую, добрался до дома, друзья сидели на скамейке возле ворот. Все потные, никак не могут отдышаться. Я тоже стою молча, продолжая стискивать зубы.

– Когда вырасту, пойду работать сторожем в сад, – ни с того ни с сего брякнул вдруг Толик. – Главнее его нет никого на свете.

– Нет никого хуже, – не согласился Сашка.

Мы посидели, помолчали... Вдруг Ленка заметила, что у меня по ноге течёт кровь.

– Ой! – закричала она, приводя всех в чувство. – Злая собака покусала тебя!

Она сняла с шеи белый шёлковый платок и мигом перевязала рану.

Вдруг, откуда ни возьмись, налетел вихрь. Закружился, собирая кольцами мусор с земли и поднимая его в воздух. Мы как закричим в один голос: «Чур меня, чур! Уходи, откуда пришёл!» Но наши слова не помогают, и мы кричим ещё громче: «Чур, чур, чур!»

Можно подумать, дядя Тимеркке послал нам вдогонку не только собак, но и свою злость – буря разошлась не на шутку. Она принялась раскачивать деревья, погнала, покатила по улице всё, что смогла поднять в воздух. Вжи-и-ик! – со свистом скользнула вниз крыша Толикиного дома. Она в мгновение ока слетела на землю, будто блестящая шоколадная обёртка! Мы, растерянные, выбившиеся из сил, стоим и боимся даже вздохнуть – вдруг нас сейчас тоже поднимет в воздух, отнесёт далеко-далеко и бросит в глубокий овраг... С треском сломалась и рухнула на землю старая ветла, которая росла перед домом. Друзья словно только этого и ждали – врассыпную, словно горох, бросились по домам.

Сижу, не шелохнувшись. Заходить в дом ещё страшнее, там никого нет. Ярко блеснула молния, словно разорвала тучу острым, как луч, ножом. Сотрясая небесную балку, загрохотал гром, ударила молния, стеной, как из ведра, хлынул проливной ливень. «О, Боже, – неожиданно для себя в голову приходят слова молитвы. – Прости меня, если согрешил невольно. Защити,

если не виноват. Я не зарился на чужое добро, просто хотел попробовать яблок...»

То ли успел произнести вслух то, что пришло на ум, то ли не успел, как раскрыл от удивления рот. С холма Улыпа напрямиком на наш дом с грохотом мчится мощный водный поток! Клубясь и кувыркаясь, с шапкой бурлящей пены, которая местами белая как сметана, а местами тёмно-красная, цвета крови, на меня несётся новый овраг! А если это молочное озеро прорвало? Ну и денёк сегодня выдался: что ещё доведётся увидеть!.. И вдруг, когда первая волна добралась до нашего дома, на её гребне приплыли и рассыпались передо мной... яблоки. Много-много яблок, целая куча. То ли верить своим глазам, то ли нет... Куча, словно гора, растёт на глазах. Может, это мне только снится? Красные, зелёные, жёлтые яблоки... Ну и чудеса! Закончится это когда-нибудь? Если бы сейчас кто-нибудь открыл ворота изнутри, гора яблок обрушилась бы во двор, сметая всё на своем пути. А куда делся водный поток? Вот невидаль! Он изогнулся, проделал себе новое русло и хлынул в сторону оврага...

Я словно во сне поднялся со скамейки. Забыв про покусанную ногу, подошёл к холмику из яблок. Прямо передо мной, словно нарочно стараясь попасться на глаза, лежит огромное золотистое яблоко. Оно насквозь прозрачное, словно небольшой надутый шар, коричневые семечки внутри так и манят попробовать их на язык. Я осторожно протянул руку, словно золотой шар мог исчезнуть. Коснулся его. Какое прекрасное, невыразимо красивое и чудесное яблоко! Но мне нисколечко

не хотелось есть его. Прижал золотой гостинец к груди и помчался показать друзьям.

– Сашка! Где Ленка и Толик? Идите сюда! Я нашёл яблоко бессмертия!

Никто не отозвался. В палисаднике перед Ленкиным домом из конуры выскочил Камбур, отряхнулся, задрожав всем телом, лениво пролаял, повернувшись к хозяйскому дому. Это не злыдень дяди Тимеркке, а смиренный пес, спокойный, как и его хозяева.

Вдруг из конуры высунулась Ленкина голова.

– Яблоко бессмертия?

Ленка выползла из конуры и встала как вкопанная. Ра-а-адостно так смотрит то на яблоки возле нашего дома, то на золотой шар в моей руке. Даже не удивляется чуду, словно такое происходит в жизни каждый день. Она не решилась потрогать яблоко руками, просто стояла и нежно смотрела на него.

– Васька, сегодня такой день, когда сбываются самые красивые мечты. Покажи мне свою сказочную кибитку...

– Туда заходят только спать... Вот вырастем, и я сразу приду за тобой. Только не забудь про свою мечту.

Голые жеребцы

Мячик выпал из рук, подпрыгнул несколько раз и покатился вдоль изгороди. Только когда опомнился, понял, что могу остаться без мяча. Ну и дела! От удивления до сих пор стою с открытым ртом: Ленка говорит, что папа у неё герой! Даже ордена и медали есть!

– Он что, летчиком на войне был? Или танкистом? – мне хочется поскорее всё узнать.

– Мой папа не был на войне, – Ленка как ни в чём не бывало перекатывает во рту конфету.

– Хочешь надуть?! Настоящие герои бывают только на войне. Они храбрые и смелые, ловкие и сильные. Я в кино видел.

– Кино это кино! А мой папа герой, хотя всю жизнь живёт в деревне, – Ленка протягивает в мою сторону конфету. Я тут же разворачиваю обёртку и сую конфету в рот.

Мячик-мячик... Поди, докатился до речки и уплыл. Эх, красивый был мяч, ни у кого такого нет.

– Ленка, ты только мне скажи, я никому не проговорюсь: как твой папа стал героем, если не был на войне?

– Стал и стал... Зачем много говорить?

Ох уж эта Ленка! Жаль, что она не такая болтушка, как другие девчонки! Даже когда разговорится, думает над каждым словом.

– Ленка, ты мне друг? – я тоже с шумом перекатываю конфетку во рту. – Я тебе... Я хотел подарить тебе мячик, который только что уплыл по речке. Только скажи... Если хочешь знать, я тоже стану героем, когда вырасту.

– Васька, ордена в Москве наперечёт, на всех не хватит...

– На меня точно хватит!

– Папе дали орден, потому что он на ферме лучше всех смотрит за свиньями...

Хорошо, что у меня в руках нет ещё одного мяча. Иначе он бы тоже выпал, скатился в речку и уплыл!

– Ленка, кто соврёт, у того язык отсохнет!

– Если врать, конечно, отсохнет.

– Ну... На ферме много людей работает, а героев больше нет.

– Верно.

– Свиньи были такие толстые?

– Сказали, хорошо откармливал.

– Может, из дома им еду таскал?

– Не знаю...

С ума сойти! Папа у Ленки кормил на ферме свиней и стал героем!

Ленка будто догадалась, что я потерял покой, завела меня к себе в дом. В горнице открыла дверцу огромного шкафа: «Вот! Смотри...»

Слов больше не понадобилось. После этого говорил только я. Правда, не словами, а восклицаниями:

«Ой-ой-ой! Вот это да! Ну и ну!..» Шкаф забит шикарной одеждой: белоснежные шёлковые рубашки, блестящие галстуки... Аж в глазах рябит.

– В этой одежде папа ездит в Москву. В Кремль, на съезды, – шепчет Ленка.

– Какие съезды? Что значит «съезд»? – Я тоже перехожу на шёпот.

– Не знаю. Показать фотографию? Герои труда собрались на съезд.

Фотография всего-то с разделочную доску, а на ней столько людей, что не сосчитать! И вправду, как только на всех хватило орденов?

Но что ни говори, теперь я еще больше хочу стать героем. Мысли об этом не идут у меня из головы.

Мы вышли на улицу.

– Мячик жалко, такого ни у кого не было, – вздыхает Ленка.

Я тоже вздыхаю, но разве о мячике сейчас надо думать!

Мы спустились к речке, стоим на крутом берегу и смотрим на выгнутые заливки выпей. Мы знаем: к воде нельзя подходить слишком близко, не то выпей могут и схватить.

– Чуть подальше отсюда много глиняных ям. Ты видел? – спрашивает Ленка.

– Видел. Очень глубокие. Из них достают глину, когда печки ставят.

– Ночью, ровно в полночь, из ям выходят голые жеребцы.

– Какие голые жеребцы?

– Не знаю, не видела. Люди так говорят. Ещё говорят, жеребцы по ночам нападают на прохожих и щекочут их сильно-сильно. Могут до смерти защекотать.

– Разве жеребец может щекотать?

– Говорю же, не знаю. Я не видела. Люди так говорят. Видели, наверно... Говорят, будто когда жеребцы щекочут кого-нибудь, они ржут так, что земля дрожит...

Страшно. Когда смотришь на глиняные ямы, кружится голова, откуда-то издалека доносится ржание невиданных доселе голых жеребцов...

– Слышишь, ржут! – Ленка хватает меня за рукав.

– Когда со мной, ты ничего не ...

Не успел сказать, чтобы не боялась, как берег обвалился. Мы с Ленкой вместе с пластом земли соскользнули к самой кромке воды.

Сидим. Перед нами течет река, сверху смотрит синее-пресинее небо. Слева тянется наша улица, справа видны ямы, из которых в любой момент могут выскочить голые жеребцы. А по противоположному берегу поднимаются озорные ребята из Старых Дубков. В руках у одного – мой шикарный мяч...

– Ленка, – я понимаю, что жить так больше нельзя. – Сегодня ночью мы с тобой станем героями.

– А как?

– Потом узнаешь.

– Когда орден повесят?

– Орден не дадут. Но мы всё равно станем героями.

Еле дождались, когда стемнеет. Ребята постарше собрались возле Сашкиного дома. Бедовые мальчишки

из Старых Дубков тоже пришли: спорят о чём-то, шумят на всю улицу.

– Скажи, что ты собираешься делать? – настойчиво спрашивает Ленка. – Когда ты рядом, я ничего не боюсь.

За такие слова я бы обнял её и прижал к себе, но нельзя. Вначале надо вырасти и пожениться.

– Идем, – говорю я, направляясь к Ленкиному дому.

– Папы дома нет, – Ленка еле поспекает за мной. – И мамы нет. Они в гости пошли.

– Очень хорошо. Твой папа не надел рубашку, в которой ездит в Кремль на съезд?

– Нет...

Вошли. Я вынул из красивого шкафа две шёлковые белые рубашки.

– Надень.

– Она мне велика.

– Я тоже могу обернуться в эту рубашку четыре раза.

Но надо надеть.

– Рукава свисают...

– Пускай свисают...

– Вот, надела.

– Накройся вот так с головой.

– Накрылась.

– Посмотри, я похож на голого жеребца?

– Не пугай меня... Ты выглядишь, как герой!

– Правда?

Ещё бы! Я же надел рубашку героя!..

Мы вышли на улицу.

– Слушай. План у нас такой. Сейчас мы с тобой пойдем на речку и сядем возле глиняных ям.

– Что?! Голые жеребцы...

– Этой ночью мы с тобой будем голыми жеребцами, понятно! Что, испугалась?

– В этой рубашке... Нет, когда я с тобой, я ничего не боюсь!

Ох уж эта Ленка! Она самая лучшая девчонка на свете!

– Слушай дальше. Когда ребята из Старых Дубков пойдут домой, мы выскочим перед ними!.. Умеешь ржать, как жеребец?

– Умею... Когда с тобой, я всё умею...

Я же говорю, на свете нет никого лучше Ленки!

Мы расположились возле ямы, откуда взрослые берут глину.

Сказать-то легко, а коленки трясутся! Вода мерно журчит, время словно остановилось. Ждём, ждём, а ребята из соседней деревни даже не думают возвращаться домой – полночь ещё не наступила.

Петух во дворе у Ленки закукарекал во всё горло, и тут же послышались голоса: шумная ватага приближалась в нашу сторону. Я дрожу, а то, что Ленка трясётся – это и без слов понятно, но разговаривать нельзя. Скоро ребята дойдут до речки! Наверное, мы не сможем выскочить... Не получится вернуть мой чудесный мяч...

Даже самые лихие на свете мальчишки замолчали, когда подошли поближе к берегу. Неужели заметили? Неужели придётся с позором бежать домой? Нет, нельзя, у нас теперь нет пути назад... Вот бы они прошли спокойно мимо...

— Голые жеребцы! — закричал вдруг один из ребят так, что его наверняка услышали собаки в соседней деревне.

Мальчишки так припустили, так понеслись, будто следом за ними гналась волчья стая! А мы с Ленкой вдруг осмелели и как рванули за ними! Пытаюсь заржать, но голос дребезжит, как у козлёнка. А Ленка гогочет со всей мочи. Ребята с перепугу визжат...

Если бы это случилось днём, мы бы сквозь пыль ничего не разглядели. Но сейчас увидел отчётливо, как в ясную погоду — навстречу мне, подпрыгивая, несётся любимый мячик, словно потерявшаяся кошка бежит навстречу хозяину. Бедовые мальчишки из Старых Дубков выронили. Трусые! А мы с Ленкой настоящие герои!

Благодать

Представьте себе: наша гостя, даром что из города, до сих пор не знала, что звёзды на небе такие красивые! Я ни разу не был в городе, а теперь ещё надо подумать, стоит ли вообще туда ездить: может, там и солнце не всходит? Вдруг у них по ночам и луны на небе нет?

Я повёл Анжелику на улицу, чтобы рассказать всё, что знаю о звёздах. Мы устроились на крыше погреба и лежали, глядя в ясное ночное небо. Бедняжка! Она даже про Созвездие Ковша* ничего не знает! Я рассказал ей, что к утру это созвездие как бы переворачивается, и получается, что ковш опрокидывается и выплёскивает воду. Анжелика слушала, раскрыв рот! Созвездия Решето**, Коромысло***, Утренняя звезда, Полярная звезда – мы отправились в путешествие по небу и даже забыли, что находимся на земле, лежим на крытой досками крыше маленького погреба.

– В созвездии Большого Ковша – семь звёзд, скажешь семь раз, наступит благодать... В созвездии

---

* Созвездие Ковша (чув.) – Большая Медведица.

** Созвездие Решето (чув.) – Плеяды.

*** Созвездие Коромысло (чув.) – Орион.

Большого Ковша – семь звезд, скажешь семь раз, наступит благодать... – азартно шепчут наши губы. Слова как бы сами собой слетают с губ, а в ночном мире происходят какие-то перемены. Я слышу не только, как стучит в груди моё собственное сердце, но и как бьётся сердце Анжелики. Сияние звёзд и стук сердец – больше в этой бесконечной тишине словно ничего и нет. Мы вслушиваемся в великую тишину и пугаемся самих себя: мы хоть и маленькие, но люди, и у нас есть какая-то связь со звёздами! Не знаю, о чём думает Анжелика, но мне кажется, о том же, что и я: неожиданно кроме чувств и ощущений ничего не осталось.

Мы летим, летим всё выше и выше.

– Говорю же тебе, чувашский язык он какой-то волшебный... На нём хорошо сказки сказывать, – произносит Анжелика еле слышно.

– Молодец, что приехала в деревню. В городе не научилась бы говорить по-чувашски...

– Правда...

Я и не думал летать, и не знал, что это так чудесно: лета-а-ать!..

Мы опустились на нежный луч большой-пребольшой звезды и уселись на нём, как воробышки на электрических проводах. Откуда ни возьмись, нас окружила толпа звонкоголосых ребятишек. Что за дети, чьи они, откуда взялись – непонятно. Никогда не видел таких красивых детишек. Одежда на них словно сшита из пушистых снежинок – блестит так, что слепит глаза. Или у них такая кожа?

– Звёздные дети! – догадалась Анжелика. – Не болтай ногами, не то подумают, что мы невоспитанные.

– Говори беззвучно, – я дёрнул её за подол платья. – Вдруг растают от тепла слов!

– Ха-ха! – рассмеялась Анжелика.

Ох уж эти девчонки! Разве в такой ответственный момент можно хихикать?

– Одежда у них сшита из мелких-мелких звёздочек. Это не снежинки, они не растают, – радуется Анжелика своей догадке.

Взглянул исподтишка на себя – одежда на мне словно покрылась инеем! Всё сверкает и переливается... Что происходит?

Только хотел спросить, не замёрзла ли она (поди пойми этих девчонок), но не успел.

– Ой, как тепло на этой звезде! – воскликнула Анжелика.

На Земле чувствовалась вечерняя прохлада, а здесь и вправду дует ласковый тёплый ветерок.

Детишки, одетые в звёздные наряды, звонко галдят. Или они не понимают друг друга? Вдруг они, словно сговорившись, принялись раскачивать нас на качелях. У-ух-х! У-ух-х! Мы с наслаждением летим вверх-вниз на тоненьком лучике, который похож на серебряную нить. Красота!.. Когда на земле идёт снег, это, наверное, просто сверху сыплется звёздная пыль...

– За такую благодать, может, придётся ещё помучиться, – говорит дочка моего дяди.

Если бояться беды, век счастья не видать! Не знаю, что будет потом, а сейчас мне хорошо.

Закрыли крепко глаза и то взлетаем, то опускаемся. В низу живота пробегает холодящая щекотка.

– ...Пять!.. Шесть!.. Семь!..

– Поняла! – воскликнула вдруг Анжелика. – Мы в созвездии Большого Ковша! Большой Ковш – семь звёзд! Я подглядывала тайком: нас переносили с одной звезды на другую. Эта – седьмая.

Тишина. Мы легко и плавно, будто пёрышки, опустились на бескрайнюю льдину. Не жестко и не мягко. Не глубоко и не мелко. Что бы это могло быть? Мираж? Оптический обман?

– ... ..

– ... ..

Анжелика что-то говорит. «Не слышу», – пытаюсь я объяснить ей, и не слышу собственного голоса! Моя родственница горько усмехается. Может, она что-то проглотила, пока я не заметил. В кармане оставалась карамелька, надо дать ей, тогда лицо у неё будет не такое кислое.

Анжелика взяла протянутую конфету, совершенно бесшумно развернула обёртку и съела твёрдую карамельку без единого хруста. Представляете, ни разу не хрустнула!

Вдруг я оглох на этой звезде? Быстренько сунул указательный палец в ухо и повертел из стороны в сторону. Не помогло...

Гляжу – прямо на нас двигаются ледяные человечки. Они похожи на сосульки, которые долго висели на ветру и стали гладкими, блестящими. Вот влипли!

Нам конец! Что теперь будет? Стою, будто окаменев, даже забыл вытащить палец из уха.

Всё же у Анжелики стойкий характер. Она крепко схватила меня за левую руку, да так, что пальцы онемели. Это значит, мне надо молчать.

Чем ближе человечки, тем прозрачнее они становятся. Я разозлился: один, тот самый, который идёт прямоком на меня, крутит указательным пальцем у виска.

– Сейчас я тебе покажу! Сам дурак...

Какой смысл обижаться, если голос пропал и меня никто не услышит? Не зря бабушка говорит, что от обиды мельницу не построишь... Или я перестал слышать? Одно из двух.

Вгляделся получше – и увидел самого себя. Он точь-в-точь как я! Мне даже присниться не могло, что на звезде живет мой близнец. И мама ничего не рассказывала. Только вынул палец из уха – он тут же перестал показывать, что я дурак. Я растерялся и улыбнулся – его губы тоже раздвинулись в улыбке. Я сделал несколько шагов вперёд – он тоже шагнул мне навстречу. Остановился – он замер на месте. Э-э, тогда не стоит обижаться, может, он хочет дружить со мной? Иначе зачем затеял эту игру, как тот артист из Петербурга! А что у него за друзья? Ой, зачем только я посмотрел на них: все ледяные человечки вдруг разом превратились в меня. Можно подумать, у меня тьма-тьмущая братьев-близнецов! погоди! Это же зеркальные человечки! На кого ни посмотрю – вижу себя. Вот высунул язык и начал дразниться – они тоже в долгу не остались...

– Кто ступит ногой в этот мир, найдёт то, что искал,
– произнёс вдруг один из зеркальных человечков.

Откуда голос? И уши слышат.

– Что ты видишь перед собой? – эхом донёсся голос
другого.

Он меня спрашивает? Так или иначе, отвечать мне,
потому что я мальчик.

– Себя!

– Значит, ты всё время искал себя!

– Вот глупый! Разве можно искать самого себя? –
Анжелика такая же спокойная, как была. Только торо-
пится отыскать заколку для волос, которую потеряла
на прошлой неделе.

– Человек всегда ищет себя. Даже если не терял, – пытаюсь рассуждать я, словно хочу защитить зеркальных человечков. Честно говоря, я об этом и не думал, но слова сами собой срываются с языка.

– Ты нашёл самого себя! Что теперь? – моя гостья повернулась спиной к остальным, чтобы они не услышали.

– Что теперь?.. Могу видеть себя как бы со стороны. Могу понять свои недостатки... Исправлять...

– В зеркало видны только внешние изъяны. И потом... Ты что, кривой или косой, чтобы исправляться?

– Может, и косой... Почему нас не задержали на других звёздах, а сразу отправили на седьмую?

– Подумай, почему. Ты умный мальчик.

– Прежде чем ступить на другие звёзды, нам надо пройти сквозь эти зеркала и очиститься.

– Нет, я не смогу пройти сквозь них, – упрямится Анжелика.

– Нельзя разбить зеркала и пройти сквозь них. Это не обычные зеркала, в них вместо стекла совесть.

– Разве так бывает? Давай пойдём пешком... Ну её, эту заколку...

– Пока не придумаем, как попасть на другие звёзды Большого Ковша...

– А вдруг и до завтрашнего дня не придумаем?

– ... как мне убежать от самого себя?

– Нет, нам с тобой этого никогда не понять. Ты только что радовался, что нашёл самого себя. А сейчас хочешь убежать.

– Может, убежать от самого себя никогда не получится. А как избавиться от этих зеркальных человечков?..

Пытаюсь шагать взад-вперед, сжимаю обеими руками голову, но нужный ответ каждый раз успевает ускользнуть куда-то в сторону.

– Я знаю, – говорит Анжелика.

– Говори быстрее.

– Надо отыскать и надеть такое же зеркальное платье, как у них! Тогда они отыщут сами себя... И перестанут искать нас... Потом... Потом растают и исчезнут... Подожди искать зеркальное платье, не то ты тоже начнёшь испаряться!

– Что правда, то правда, – я тру подбородок, как это обычно делает дедушка. – Когда человек перестаёт искать, он погибает... Исыкает родник, который придаёт ему силы...

Не успел я договорить, как мой голос потух, будто свет. Оглянулись, а зеркальные человечки куда-то исчезли. Оно и к лучшему.

Хорошо-то хорошо, но в какую сторону идти? Как сориентироваться в чужом месте? Был бы ветер – полетели бы в ту сторону, куда дует...

Анжелика чуть не плачет. Чтобы не подумала, что я тоже растерялся, вздёрнул нос повыше, в сторону луны. Глянь – а луны-то и нет. И неба нет. Оно что, внизу? Или будет вернее сказать, что небо – повсюду. Там, где должна висеть луна, сияет ослепительная звезда с серебряными глазами! Я показал Анжелике на звезду, и теперь стоим, смотрим на неё. Мы совсем растерялись. По телу будто пробегает ток. Мы сейчас во власти семи

звёзд, от них зависит, что будет с нами. Мы ничего не знаем о жизни на звёздах и даже не можем представить, что произойдёт. Земной опыт на звезде ничего не значит. Мы каждый миг открываем для себя что-то новое. Например, раньше я не знал, что такой наивный. Теперь понял, и это оказалось полезным: я задумался. И дал себе слово учиться как можно больше.

Звёздный луч будто ощупал меня, чтобы проверить всё, что есть во мне. От луча не скроешь, как меняется настроение или как играют мысли. Вот луч заметил грязь на подошве моих башмаков и замер. Не может понять, что это такое? Или он до сих пор не видел ничего похожего? Луч раскрыл комок грязи в пыль, проверил каждую отдельную пылинку. Кажется, ему не понравилось...

В воздухе ни звука, внутри у меня их – полным-полно. И воздух – не воздух, а звёздный шербет. Я слышу внутри себя разговор неведомых существ и словно нутром понимаю чужую речь.

– Мы тщательно проверили мальчика. Он не надёжный. Нельзя, чтобы ступил на нашу чистую звезду.

– Но на Земле дети – самые безгрешные души.

– Повторяю: он недостоин. Его прошлое окутано светом, а в будущем много ржавчины, плесени, гнили... Нарушен душевный порядок...

– Что это значит?

– В старину его прадеды умели жить разумно и мудро. Не уповали на то, что грех может быть прощён. Почитали старость, поклонялись природе, которая давала

им кров и пищу... Возможно, молились Великому Разуму, который управляет звёздами.

– А теперь выжили из ума? Жаль...

– Они полагают, что стали умнее. Но с тех пор, как перестали считаться с Великим Разумом, их мир начал разрушаться. Гибель внешнего мира начинается с краха внутреннего. Чем старше дети, тем заметнее разрушение.

– Может, успеем помочь?

– Помочь нетрудно.

– Нетрудно? Тогда поможем! Мы добрые звёзды.

– Если напомнить, что есть благодать, они сами смогут помочь себе.

– А как им напомнить? Код: благодать. Благодать. Очень просто запомнить...

– Чтобы разобраться, как это лучше сделать, детей надо провести сквозь кольца семи звёзд. Но вначале растереть их в пыль...

Вдруг до меня донеслось:

– Васька-а! Васька, говорю!

Кто меня зовёт? Вроде Ленкин голос! Неужели начала искать меня и забралась так далеко? Вот что значит будущая жена, даже среди звёзд отыскала! Может, и ребят с нашей улицы привела вместе с собой: Сашку, Толика с Серёгой...

– Ленка, уходи отсюда, беги без оглядки! Быстрее! – машу я ей.

Слов отсюда не услышит, но увидит, что машу руками, и всё поймёт.

Но нет, не понимает. Никак не может сообразить, что сейчас надо как можно быстрее бежать домой. «Прошу тебя, Ленка, взываю именем покойной прабабушки: возвращайся домой той же дорогой, по которой пришла! Ведь нас в будущем ждут наши с тобой дети! Не забывай об этом. Я приду, обещаю тебе. Клянусь», – шепчу я, старательно выговаривая каждое слово. Если мы рождены друг для друга, Ленка непременно услышит. Услышит за тысячу вёрст... Вот она уходит, уходит – услышала! Ой, Ленка, всё-таки ты не такая, как все... Вот рядом с ней полыхнул язычок алого пламени и полетел в мою сторону. Это же шарфик! Он красный, потому что испачкался кровью, когда меня укусила собака дяди Тимеркке. Тогда Ленка перевязала мне рану этим самым шарфиком. То ли нарочно кинула его в мою сторону, то ли он выпал нечаянно...

Мы с Анжеликой знаем: отступать некуда. Шагнуть вперёд тоже нельзя: перед нами не наша земля, она принадлежит будущему. Нам придется превратиться в пыль. Мне это представляется так: в окошко в доме заглядывает солнце, на чистом полу разлеглась Мурка, в лучике солнца сияют, суеются беспорядочно, словно мошкара, тысячи золотистых пылинок... Или мы станем мельче пыли?

– Не бойтесь, все произойдёт очень быстро, за долю секунды. Вы ничего не почувствуете, – кто-то старается нас успокоить.

Что должно случиться, то и случится. Хорошо, если не почувствуем. Но сможем ли потом узнать друг друга? Как мне жить без Ленки? Вы только подумайте:

она не сможет узнать меня, а я – её. Ой! А на что шарфик, который полыхает словно пламя? Конечно, Ленка узнает меня по шарфику, она же умница! Золотце, а не девочка, такой больше нет на всём свете.

На душе стало спокойно. Что будет, то и будет. Я всё смогу вытерпеть. Спасение есть.

– Васька-а! Васька, говорю!

– Опять пришла? Уходи! Уходи, говорю тебе! – я отталкиваю от себя Ленку.

– Я Анжелика...

Открываю глаза: далеко-далеко мелькают крошечные звёзды, подо мной – дощатая крышка погреба. Рядом сидит Анжелика.

– Сейчас... превратимся в звёздную пыль...

– Вставай, Васька. Тебе сон приснился? Я тоже задремала. Пора идти в дом. В созвездии Большого Ковша – семь звёзд, скажешь семь раз, наступит благодать... В созвездии Большого Ковша – семь звёзд, скажешь семь раз, наступит благодать...

– Спасение есть...

Ночные цветы

Осторожно пробираясь меж картофельных рядов, мы с Анжеликой плетёмся домой. Ноги отяжелели, будто они и вправду полвека не ступали на землю. Уверенно ходить по земле – это тебе не со звезды на звезду перелетать: надо следить, чтобы не покачнуться, не упасть. «Характер всегда можно узнать по походке, – говорит моя бабушка. – Когда человек идет по улице, его видно как на ладони».

Так оно и есть. Дядя Партизан, хоть и слепой, всегда шагает прямо, словно солдат с ружьём за спиной. Когда идет Лучшая в мире тётя, оборки на её платье мелко-мелко колышутся. Дядя Тимеркке мелко семечит, поглядывая по сторонам, будто гадает, как сегодня лучше ступать...

Наша деревня – она как театр. Каждый день здесь ставят новый спектакль. Артисты – сами жители. Зачем ездить учиться в какой-то город? Лучше вместо этого сходить на край света...

Анжелика зевает и зевает. Мне тоже не хочется разговаривать.

Наконец добрались до палисадника перед домом. Кажется, где-то работает радио. Видать, ребята с соседней улицы разгуливают посреди ночи с приёмником.

Ночь нежна, как моя любовь.
Нам с тобою не надо слов,
Когда звёзды светят с высоты,
А на земле цветут цветы...

Я взглянул на луну. Висит на своём обычном месте. Душевно! «Ночь нежна, как моя любовь...» Очень красивая песня. Я знаю все песни, которые поют мои бабушки и дедушки, а эту ни разу не слышал. И не радио это вовсе. От звука гармошки по телу пробегает дрожь.

— Усну прямо на ногах...

Ох уж эти девчонки! Или нарочно так говорит.

— Я мигом. Только посмотрю одним глазом, кто там поёт?

Гляжу, а в наш палисадник опустились... тысячи звёзд! Что-то я сегодня совсем с ума сошёл. Тру, тру глаза ладошкой – мелкие звёздочки не исчезают. Они заняли весь палисадник! Может, прибыли вместе с нами из вселенной? Мир вокруг сливается с мелодией и становится ещё более сказочным.

...Ночь светла, как твои глаза.
Распустились цветы не зря.
На тебя, на звёзды глядят,
И без слов о любви говорят.

— Когда сочинил? Ни разу не слышала.

— Только что. Пою, потому что слова сами собой приходят на ум.

Мама с папой! Надо же, оказывается, мой папа умеет играть на гармошке! И песню сочинил! Настоящий артист. Не артист, а философ. Не философ, а ... Я совсем запутался от волнения. Одним словом, теперь знаю, в кого мой папа – он весь в меня!

Люблю подслушивать, как папа с мамой шепчутся.

– Очень красивая песня... Ни разу раньше не слышала.

– А я никогда не видел цветов, которые распускаются ночью... Где ты их только нашла? А аромат!.. Какой аромат!

– Они цветут недолго.

– Тогда надо успеть сочинить дальше...

– Васька! Я устала ждать...

Ох уж эти девчонки! Когда надо бы постоять, помолчать... Ничего, как только увидит цветы, которые светятся в темноте словно звёзды, сразу сон пройдёт. Хорошо, папа запел:

Ночь тиха, как сама любовь.

А вокруг – аромат цветов...

Их тепло и волшебный свет

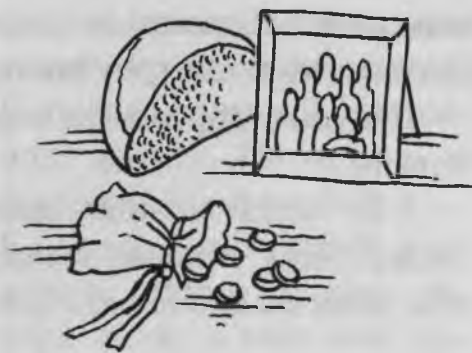
Пусть хранят нас с тобой от бед...

– Васька! Анжелика! Вы где? Что за ночь нынче выдалась? Никому не спится. Даже Сарбиге и Мурка сидят у окна, смотрят на звёзды...

Дедушка ворчать-то ворчит, а голос у самого счастливый:

– От этих ночных цветов голова идёт кругом... Лида, Лида, говорю, выйди в сад! Как в такую чудесную ночь можно сидеть дома и плести кружева...

Как я искал край света

Всё ли положил? Краюху хлеба (её и в сказках принято брать с собой в дальнюю дорогу), семейную фотографию (на ней, конечно, Мурка тоже есть, разлеглась на всю катушку: мордочка и передние лапы на коленях у бабушки, задние лапы и хвост — у дедушки) и кисет, который подарил дядя Партизан. Кисет не пустой — внутри нухрат! Вон как звенят. Не знаете, что такое нухрат? Могу развязать и показать. Развязать?

Дядя Партизан подарил мне кисет и положил в него мелкие монеты. У курицы в гнезде оставляют яйцо, чтобы лучше неслась. А в кисет кладут монетки, чтобы в нём деньги не переводились.

Папе с мамой не стал ничего говорить, а то вдруг не разрешат. Бабушкам и дедушкам тоже ни словом не обмолвился, чтобы попусту не переживали.

Что обо мне переживать? Сам от себя не потеряюсь. Если даже собьюсь с дороги и придётся плутать, голодать не буду: как говорит Сашка, нет такого дела, с которым бы я не справился. Спасибо папе и дедушкам,

они вырастили меня настоящим мужчиной. Мне кажется, я всё на свете умею делать. Только самого себя поднять не могу.

Попрощался с домовым, который хранит дом, и направился к калитке. В этот момент Мурка вылезла из-под амбара с мышкой в зубах: видать, поймала только что. Не хотелось её отвлекать. Поэтому не подошёл, не погладил, просто кивнул издалека: «Счастливо оставаться. Когда вернусь, расскажу, как устроен белый свет». Мурка не стала показывать, что встревожилась, побежала дальше своей дорогой. Можно подумать, она давным-давно знает, как устроен мир...

Сам не заметил, как на душе стало тоскливо, по щеке скатилась крупная слезинка... Ну, довольно. Мужчины не плачут. Я пошёл.

Интересно, доводилось ли кому-нибудь в жизни ходить столько пешком? Эх, это потому, что хочется обо всём узнать! Ноги сплошь покрылись волдырями. Чтобы было не так больно, наступил пяткой на задник сандалий и перевязал подошву прутиком. Надо терпеть. Довести начатое до конца. Если уж научился шагать по земле, хорошо бы дойти до края земли и посмотреть, как он выглядит.

Далеко-далеко, на берегу реки Булы, которая вьётся змейкой среди бескрайних полей, виднеются крошечные домики. Мне кажется, я никогда не смогу добраться до них. Или чем ближе подхожу, тем дальше они от меня убегают... Посреди невысоких домов высится один огромный, он будто тянется в высь. Облака

зацепились за его блестящий острый верх и не могут уплыть ни вперёд, ни назад.

По спине пробежал холодок. Что это за строение? Как такая громадина могла вырасти ни с того ни с сего прямо посреди деревни? И ещё вздёрнулась горделиво вверх, высокомерно поглядывает вокруг себя: вот я какая – самая-самая! Обычные дома, расположенные вокруг этого великана, стеснительно, робко притаились, словно присели на колени, чувствуя себя бедными, жалкими. Что это за хвастунишка? Уж наверняка не дворец, который может метать вокруг себя гром и молнии...

Я сразу позабыл и про усталость, и про то, что ноги горят. Оказывается, чего только не бывает на свете!

Так или иначе, манит меня к себе это голубое здание в золотистой шапке. Вдруг там есть лестница, которая ведёт на крышу? Может, оттуда получится взглянуть на край земли? Что будет, то и будет – надо идти к этому громадному дому.

Я на минутку присел возле стога сена и ... проснулся от прохлады. Живот прилип к спине. Решил, что перекушу в деревне, торопливо схватил свою котомку и устремился в сторону низины.

Сквозь утреннюю дымку высокий дом кажется царским дворцом из сказки. Может, вправду дворец? Вдруг там из-за украшенных резьбой окон выглядывают прекрасные царевны?.. Ждут самых смелых на свете женихов... А самая красивая ждёт, когда я вырасту... Нет, нельзя, у меня есть соседская Ленка.

Прервав мои мысли, раздался страшный шум: динь-дон! Динь-дон! Звон рассекает утреннюю тиши-

ну. Я подумал, от страха сердце разорвётся: где пожар? Ни огня не видно, ни дыма. В нашей деревне никто ради забавы в колокол не бьёт – такому дурню в момент уши оторвут. Что за дуралей шалит спозаранок?

Набат стих. Мимо не проехала ни одна пожарная машина. Вместо этого на востоке вспыхнул край неба и взошло солнце! Красотища! Никогда раньше не видел, как просыпается солнце! Оно поднимается, поднимается ласково и мощно. Ширится и ширится, словно хочет объять всю округу, открывает глаза цветам, неведомо как просачивается в моё нутро. Солнце такое огромное, как оно может карабкаться на небесный свод? Только бы не зацепилось за острую верхушку здания в золотистой шапке и не треснуло, только бы догадалось обойти его стороной. А само здание-великан точно не посторонится, чтобы пропустить солнце.

Иду в сторону высокого дома. Я давно перестал верить в райские дворцы. Но это не обман зрения – как высился дом вчера посреди деревни, так и стоит горделиво: не рассеивается, не исчезает.

Ступил на деревенскую улицу. Тишина. Неужели успели выгнать стадо? Даже слышно, как на дальней улице прокукарекал петух. Кар-кар-кар! каркают где-то вороны. Можно подумать, неподалёку расположено их царство-государство. Птичий гвалт заставляет меня ёжиться, словно кричат не вороны, а стервятники.

И вправду, у них здесь своё царство. На деревьях, которые растут возле того высоченного дома, вороны

свили гнёзда. Расселись в них и все разом открывают рты, орут во всё горло, словно им кто-то приказал. И даже не задумываются, как звучат их крики!

Вон оно как! Я поднял голову и так и застыл с поднятым подбородком: оказывается, колокол висит на самом верху громадного дома! Но вряд ли это пожарная вышка...

У большущего дома и ворота огромные. Рядом калитка, она выглядит так, будто не выпустит обратно, если зайти в неё. На ступеньках сидит человек с увечьем. Конечно, жарко посреди лета в шапке, вот он и снял её, положил перед собой. Я побоялся ещё раз взглянуть на него, и глаза сами собой скользнули на портрет над входной дверью.

На меня глянул незнакомец. У него какой-то нездешний вид: продолговатое лицо, большие глаза. Весь такой грустный, словно никогда не радовался. Хоть бы краешком губ улыбнулся... Зачем повесили здесь этот портрет? Золото с рамки прямо сочится! Я направляюсь в угол подальше, чтобы скрыться от него, но лицо с портрета находит меня, смотрит пронзительно, будто буравит глазами. Снова шмыгаю в сторонку. Но только приподнял украдкой голову – он опять вонзился в меня взглядом! О чём хочет спросить? Что ему нужно? Я растерялся... Куда от него спрятаться? Узорчатая массивная дверь отворилась, и я нырнул внутрь. Теперь уж что будет, то и будет. Только бы найти лестницу, которая ведёт на крышу.

Темно. Показалось, что мои глаза остались снаружи. Не успел привыкнуть к темноте, чтобы различить

хоть что-нибудь, как вдруг раздался громкий мужской голос. Кто поёт ни свет ни заря? Если петь с утра, вечером придётся плакать!.. И тут же тонкими голосами вступили женщины. Что здесь за концерт с самого расвета? И почему взрослые люди стоят на коленях и бьют лбом об пол? Разве лоб виноват, что думаешь неправильно... Как понять, правильные мысли лезут в голову или неправильные? Эх, не зря дедушка говорит, что в голове у меня гуляет ветер...

Воздух густой. Кругом какие-то совершенно незнакомые запахи. Мужчина с длинной бородой, одетый в царское платье, приблизился ко мне, размахивая посудой, от которой валил дым, и брызгая водичкой. Видать, чтобы не угореть. Спросил у дядечки:

– Ты постился? Не ел сегодня?

– Третий день держу пост. А с утра маковой росинки во рту не было...

Очередь дошла до меня, и мне, как и остальным, сунули в рот горьковатый сироп, немного похожий на мёд. Чтобы убедиться, что это не сон, я незаметно ущипнул себя. Больно...

Старушки велели мне поцеловать сквозь стекло чьё-то печальное лицо.

– Я его не знаю! Потом, я не девочка, чтобы целоваться... – я отвернулся.

– Тише! Он каждую минуту видит и слышит нас, – шикнула старушка с зажжённой свечкой.

Это меня совсем не обрадовало. Иногда бывает лучше, чтобы тебя никто не видел. Я стесняюсь. Ну да

ладно, всё равно успею сделать кое-какие дела, пока он смотрит в другую сторону...

– Как бы подняться на крышу? – подумал я вслух, оглядываясь по сторонам. На потолке и на стенах нарисованы картины. На них незнакомые люди в непривычных одеждах. На одной стене рогатые и хвостатые черти что-то варят в котле.

– Сынок, зачем тебе туда подниматься? Хочешь побыть поближе к небу?

– Думаю, с высоты можно увидеть край земли... Где только не был, но такого высокого дома не видел, – я обрадовался, что могу поговорить с добрым человеком.

– Хочешь сказать: край деревни?

– Край земли, бабушка.

– Сынок, у земли нет края, – она смотрит на меня насторожённо и немного с улыбкой.

– Как это нет? Земля есть, а края нет?

– Верно, сынок. Не ищи того, чего нет.

– А что тогда искать?

– Ничего не ищи. Всё, что есть – оно здесь, в тебе самом... Веруй в Бога.

– Верую... Но я его никогда не видел.

– Господь смотрит на тебя со всех сторон.

– Смотреть-то смотрит... Но сурово, хочет, чтобы повиновались ему... – шепчу я, чтобы «всевидящий» не услышал.

– Сынок, не говори так, это грех. Нам всем следует бояться его, – бабулька протягивает мне большое красное яблоко. – Угощайся. Сегодня яблочный Спас.

– Не хочу бояться. Я хочу любить Бога... Как люблю солнце, небо, деревья, родных, – я с хрустом откусываю яблоко.

– Ты и люби Бога, и бойся его.

– Бояться?.. Кто боится, тот не может любить...

– Ты умный мальчик. Вырастешь и всё поймёшь. Сейчас я поведу тебя наверх, к звонарю. Это он бьёт в колокол...

Вы никогда не видели такой огромный колокол! Если перевернуть его и подвесить над очагом, можно сварить столько каши, что хватит накормить не только всю деревню, а целый город! Но довольно про колокол, он созывает тех, кто приходит сюда бояться Бога. Меня

интересует край земли – вдруг и вправду можно увидеть его с крыши церкви? Пытаюсь охватить взором всю округу – не получается. Эх, жаль, что нет глаз на затылке!

Край света всё же есть! Он там, где земля сливается с небом! Только не надо терять надежду, надо шагать и шагать, шагать и шагать. Через поля, реки, леса, горы... Если стоять на одном месте, даже мысли в голове могут застыть...

Я вышел и зашагал. До сих пор иду. Буду идти, пока не свалюсь с ног. Пока не доберусь туда, где небо сливается с землёй.

Шёл-шёл, и вдруг, как говорила бабушка, оказался на околице родной деревни! Теперь всыпят дома по первое число, что пропадал три дня... Надо приготовиться, скоро мне будет не до шуток...

День рождения

рассказ

Я плачу сегодня с самого утра. Хнычу и хнычу, и сама не знаю отчего. А начала я слезами изливаться, когда бабушка насыпала курам полный совок зерна. Они его уже давно склевали, а я всё рыдаю. И, главное, забыла, с чего начала плакать. А ведь так неинтересно, когда не знаешь причины своих слёз.

И я стала вспоминать, отчего мне так нестерпимо захотелось поплакать. И вспомнила!

Вчера я перелезла через забор и поцарапала большим гвоздем коленку. Было больно-больно! Но вчера я из-за этого забыла поплакать и вот всхлипываю сегодня... Нет, пожалуй, и не в этом дело. Я хотела задать зерно курам сама, а бабушка не разрешила, мол, рассыплешь, и отняла совок. Вот я и начала хлюпать носом от обиды, а не из-за вчерашней царапины.

А бабушка как ни в чем не бывало говорит нараспев:

– И-и-и, никак дождик начинается. Коль с утра зарядит, гляди, до самого вечера будет лить.

Услышав про дождь, я подумала, что придется целый день сидеть дома. И от этого захотелось плакать еще пуще.

Устроилась на подоконнике – отсюда лучше видно, как дождевые капли падают в лужу. На ней образуются пузырьки, они лопаются, и кажется, будто головастики ныряют. Но дождя нет и в помине – ошиблась бабушка. И небо чистое-пречистое, и облака на нем белые и пушистые, как шерсть на бабушкиной прялке. При такой погоде дождя не бывает, это я знаю. И ветра нет – вон крылья мельницы не кружатся, висят на месте...

Мне кажется, внутри меня живет какая-то неведомая боль. Когда поплачешь, она проходит. А вот бабушка никогда не плачет. И я не видела, чтобы отец и мать утирали слезы. А зачем им разводить сырость? Если им и бывает больно, ведь не так, как детям. Вырасту – и мне нисколько не будет больно...

А бабушка неслышно подошла, встала рядышком и гладит меня по волосам.

– Ровно пять лет назад в это же самое время ты первый раз заплакала, – говорит.

«А зачем?» – чуть было не спросила я, но наморщила лоб и постаралась вспомнить сама. Может, я тогда тоже поранила колено? Или бабушка мне что-нибудь не разрешила? А может, мамы дома не оказалось?.. Не найдя ответа, я все же спросила:

– А зачем я тогда заплакала?

– Как же, у тебя сегодня день рождения. А ребенок, когда родится, так сразу и плачет, – с улыбкой пояснила бабушка.

– А зачем он плачет? Ему что – плохо?

– Сказывают, внутри каждого у нас есть мешочек нужды, горести. Вот он и заставляет слезы лить, – по-своему толкует бабушка.

Не совсем поняв ее слова, я все же решила проглотить слезы. Ведь если долго плакать, мой мешочек горести может совсем опустеть. Он, наверняка, и так у меня маленький, меньше, чем у других...

Но что это за штука – горести? Я их ни разу не видела, а так хочется на них посмотреть...

Сегодня мой день рождения! Ко мне вернулось радостное настроение.

– А где мама? А папа? Они же не знают об этом, надо им поскорей сказать. Пусть радуются вместе со мной, – говорю бабушке.

А они с рассветом уехали за листвой в Сугутский лес. Вернутся только к вечеру, с заходом солнца.

С нетерпением жду, когда зайдет солнышко. Оно садится на макушку высокого дерева, что растет на другом берегу Булы. И становится похожим на лопнувший мяч, из которого выходит воздух. А утром солнце выскакивает совсем с другой стороны, только теперь оно похоже на вздутый мячик, что выпрыгивает из воды.

Отец с матерью должны появиться из переулка. И я бегу их встречать. Долго-предолго стою на перекрестке, а солнце и не думает садиться, палит как в полдень. Мне хочется взять длинную палку и подтолкнуть его к берегу Булы. И я его уговариваю про себя: «Солнышко, миленькое, ну, двигайся поскорее за Булу!» Я осторожно поднимаю голову и вижу: солнце чуточку приблизилось к реке. Послушалось! А почему бы ему и не послушаться? Если я его знаю, так оно меня тоже, наверное, знает, вот и покорилося. Интересно, а у него тоже есть свой день рождения или нет? И насколько оно меня старше? А может, мы с ним ровесники?..

Мне нестерпимо жарко. Во рту пересохло, даже слюна не глотается. Вот только вернуться папа с мамой – сразу полный ковш воды выпью... Нет, не ковш, а два! Или и три...

Из переулка вывернулась бабушка Ульха. У нее нет ног, только галоши. Они идут сами по себе. Интересно, у всех старушек почему-то нет ног. Вот здорово: когда чем надо перелезть через забор, то никогда не поцарапают себе гвоздями колени!..

У бабушки Ульхи платье длинное-длинное, с оборками. И ярко вышитый фартук. Наверное, она идет в магазин. Я узнала ее по палке. Старушки все на одно лицо, только палки у них разные. И зачем они носят эти палки? Сами еле-еле идут, а еще палки за собой таскают. Удивительный народ!

Сказать по правде, мне иногда тоже хочется быть старушкой. Я даже пробовала повязывать платок, как моя бабушка, – уголком-крышкой надо лбом. Но никто меня так и не назвал бабушкой. Даже тетей не назвали...

Бабушка Ульха вдруг споткнулась, одна нога ее осталась на земле, другая – в чулке – побрела дальше.

Я со всех ног бросилась к ней, подобрала ее ногу-

галошу и подала ей в руки. Бабушка Ульха быстренько упрятала галошу под длинный подол и сказала:

– Вот спасибо тебе, дочка, спасибо...

– Бабушка Ульха, а я вас знаю, – запинаясь от желания поговорить с ней. – У вас палочка ивовая, как свисток... Подуешь – и она засвистит... А губы у вас сморщены, как завязанный мешочек... Или как мешочек с конфетами, или как мешочек горести... И еще...

А самой так и хочется взять из рук бабушки Ульхи палку и подтолкнуть солнышко к реке Буле, чтобы оно поскорее уселось на дерево!

– Ты чья будешь-то, дочка? – прикрываясь ладошкой от предвечернего солнца, спрашивает старушка. – Мала еще, а говоришь умно, складно...

– Я – наша! – удивляюсь я ее вопросу. – Я давно родилась, уж и позабыла когда. А еще...

– Что еще, доченька?

– Еще... Еще у меня сегодня день рождения!

– А-а-а, какая радость, – шелестит бабушка Ульха сморщенными губами.

– Радость-то радость, только ведь человек сразу, как родится, так и плачет, – говорю я словами своей бабушки. – Потому что у нас у всех внутри есть мешочек горести, он-то и заставляет плакать... А вы, бабушка Ульха, видели горести? Какие они, какого цвета?

– Э-э-э, дочка, видела, превидела... Много и самых разных... Что-то еще доведется увидеть – одному богу ведомо, – шумно дыша, говорит бабушка Ульха.

– Вот бы и мне их увидеть! Самого разного цвета! – позавидовала я старушке. – А моя мама говорит: нужда

научит калач кушать... Калач же он и так вкусней черного хлеба, его можно есть без ничего...

– Успеешь еще, дочка, повидаешь всякого: жизнь... ой она – как длинна. Только чтоб нужду пережить, нужно большое терпенье. Вот я тебе и желаю быть терпеливой. То, что нам, старым, помогаешь, это хорошо, тебе это добром возвернется...

И галоши бабушки Ульки пошаркали дальше. Я же стояла на том же месте и жалела: почему постеснялась попросить у нее палку, чтоб подтолкнуть солнце? Ну и ладно, а вдруг она бы отказала, мол, сломаешь, то да сё... Гляжу, а солнце само уже перешагнуло через Булу и устроилось на дереве. Я быстро повернула голову и вижу: в переулке показалась лошадка, везет огромный, как стог соломы, воз. Телега, видно, очень устала – скрипит так, что слышно издали. Вожжи держит... отец! Лица не видно, но я узнаю его по фигуре: это он! А за ним сидит, конечно, мама...

Я мчусь им навстречу с криком:

– Мама! Папа!

От радости или от торопливого бега дыхание мое перехватило, во рту пересохло – слово не могу вымолвить. Молча цепляюсь сзади за возок и повисаю на нем. Туго набитые листьями мешки пахнут ветром...

– Тпру! – останавливает отец Звездочку. – Попадешь ведь под колеса, глупышка! Ну-ка, беги домой!

Я будто и не слышу его сурового голоса. Вот только скажу ему про день рождения, как он сам спрыгнет с воза и подхватит меня на руки или посадит на пле-

чи... Он любит так показывать мне Москву, когда настроение у него доброе. И я, набрав полную грудь воздуха, кричу что есть силы:

– Мама! Папа! У меня сегодня день рождения!..

– Да не голоси ты на всю улицу! А то узнают, чья ты дочь, – засмеют нас!..

Слова отца так и застряли комом в моем горле. Из глаз брызнули неудержимые слезы. Пересохшие было за целый день губы стали вдруг мокрыми, нос тоже повлажнел и зашмыгал... Чтобы не зареветь во весь голос, я прикрыла рот ладонью. Значит, опять развязался внутри меня мешочек горести... Жизнь длинна, еще много чего повидать доведется, надо терпеть. Не зря же бабушка Ульха пожелала мне быть терпеливой...

Прозрачные люди

рассказ

– И дал же Бог глаза этой Федоре! Ну точь-в-точь блюдца чайные, – кипятится тетя Аксинья. – А глядит как? Не глядит, а насквозь буравит. И солнце ей ни-почем – смотрится в него, как в зеркало...

Сама же тетя Аксинья кажется мне звенящим колокольцем – в карманах у нее всегда звенят монетки. Наверно, ей-то бог дал много денег. Об этом знаем только мы двое – бог и я.

Тетя Аксинья как-то угостила меня конфетами. Это была целая комедия. Тетя Аксинья быстро скинула фартук, запустила руку под оборки платья, нащупала карман и достала горсть слипшихся карамелек. Это были голенькие, без фантиков, подушечки, похожие на салму-галушки. Они уже почти растаяли, и к ним приклеилось несколько монеток...

Наверное, бог не обделил и меня, только я не помню, когда и чем он меня одарил. Зато я помню, как однажды меня удивила тетя Федора: оказывается, и она когда-то была маленькой девочкой, как и я! Выходит, мои отец и мать тоже были маленькими? Интересно, где они теперь? И захотели бы сегодня поиграть со мной «в мага-

зин» или «в дом»? И какие у них были игрушки?.. А вдруг бы мой отец оказался таким же забиякой, как соседский Павлик? И пулял бы в меня камешками?..

Несколько дней раздумывала я над этим, но так ни до чего и не додумалась, а решила спросить у тети Федоры.

– Тетя Федора... – начала я осипшим от волнения голосом. Потом взяла себя в руки, откашлялась и продолжила. – Тетя Федора, скажи, а где теперь живут мои маленькие отец и мать?

– Какие такие маленькие твои отец и мать? – прикинулась незнайкой тетя Федора.

– Ты же сама сказала: все взрослые когда-то были маленькими...

– Ну, сказала. Все когда-то были детьми. И что с того?

– Мне хочется увидеть моих отца и мать маленькими...

– Ах ты глупенькая моя! – тетя Федора затряслась в добром смехе, похлопав меня по спинке. – Ты их теперь только на фотокарточке можешь увидеть, маленьких-то...

– А почему только на фотокарточке? Они что – умерли? – голос мой так и задрожал от страха. – Я же для них пряников приберегла-а... – И я заревела в голос.

Тетя Федора смотрела на меня своими зоркими глазами-блюдцами и молчала. Я поняла, что толку от нее не добиться, и помчалась что есть духу домой. Аж взмокла вся, так торопилась...

Мои взрослые отец и мать были дома. Они тоже играли «в дом», но уж очень серьезно, без тени улыбки,

молча. И все-то у них было по-всамделешнему. Ну, разве так играют? Тогда уж лучше вовсе не играть...

От нечего делать я устроилась на полу со своими игрушками, распахнула шкаф. И тут меня осенило: а что, если я тоже буду играть «в дом» по-настоящему, не понарошку? И не просто с куклами и с их платьями, а со своими вещами. Вон их тут сколько!

И я принялась вытаскивать из шкафа мои прошлогодние платья, шапки, штанишки... Поскольку я их давно не надевала, они показались мне совсем другими, новыми. Примеряю одно за другим. Штаны пришлись в самый раз, только ширинка почему-то оказалась под коленями. Тяну, натягиваю из последних сил – нет, не поднимается. Ладно, и так сойдет. Примеряю туфельки, вон они какие красивые, не то что в прошлом году были. Наверное, они заждались меня. Пытаюсь так и эдак всунуть ноги – ничего не выходит: втиснула пальцы, а пятка висит... Это что же получается: мои наряды и обувь вместо того, чтобы расти, как я, делаются все меньше и меньше? Ведь так они скоро совсем станут невидимками! Вот это да, чудеса прямо: одни растут, становятся большими, другие наоборот, уменьшаются, что ли? Эх, не надо было снимать туфли с ног, тогда и они бы росли вместе со мной...

Расстроенная, я вышла на улицу. Старые ивы тотчас зашелестели, закивали ветками, завидев меня. Спасибо, хоть они меня понимают. А как же иначе? Они же видят, как я расту у них на глазах. Это тетя Федора да мой отец и мать почему-то не растут, все время одинакового роста. И дома, и машины всегда одной вышины. Растем только я да ивы вместе с другими деревьями... Я каж-

дый день внимательно разглядываю свои пальцы: а вдруг они завтра станут совсем другими, взрослыми? Надо их запомнить такими, какие они сейчас. Может, бог мне как раз и подарил это волшебство – наблюдать за тем, что и как растет, изменяется?..

Мне понравилась эта мысль, но я не стала второпях делиться ею ни с кем. Молча, важно поджав губы, присела рядом с тетей Федорой – она, сидя на лавке, пряла шерсть.

Сижу да помалкиваю. Потому что знаю: спрашивай не спрашивай, где мои маленькие отец и мать, – тетя Федора все равно не скажет. Может, я не умею задавать правильные вопросы?..

А мимо окон идет, сгорбившись до земли, будто ищет что-то, старушка Маюк. Она кажется мне похожей на зеленую согнутую ветку. Может, потому, что на ней такого же цвета платье? Издали кажется, что это идет не тетя Маюк, а движется большой зеленый куст. Тетя Маюк склоняется так низко, что вот-вот коснется носом земли. И все-таки интересно: что же такое ценное она потеряла, что идет, не поднимая головы? Может, спросить ее об этом и помочь найти?..

Но вот за окном показался еще один интересный старичок – дед Сандюк. У него во рту всегда торчит небольшая трубка. Может быть, внутри у него полыхает костер, и он через эту самую трубку выпускает дым? Даже когда разговаривает он, не вынимает трубку изо рта. Зубов у деда Сандюка немного, и он еле удерживает ими трубку, будто нарочно играет ею. Очень смешно, я сама видела. Но я думаю о другом. Если у деда Сандюка внутри

все время полыхает огонь, а трубы нет, как ее нет у нас в бане (она у нас по-черному, а не по-белому, как говорят родители), то даже представить невозможно, как там у него все закоптело, почернело от дыма...

Так и сидим мы молча, две кумушки: я, любопытная пятилетняя пигалица, и семидесятипятилетняя девочка – тетя Федора. И что удивительно: мы обе видим

жизнь одинаково, хотя я от нее далеко-далеко, почти на сто лет. Не знаю, как она, но я точно на все смотрю ее глазами.

Итак, сидим мы вдвоем с тетей Федорой – я и притаившаяся в ее душе маленькая Федора. Ее, маленькую Федору, я вижу как самое себя: маленькие дети всегда замечают себе подобных. И вдруг мне все люди, встречные-поперечные, начинают казаться прозрачными...

... С тех самых пор я вижу некоторых людей так, словно они сотканы из прозрачного шелка. Иногда в подобных бликах я различаю и себя. Бывает, мелькают и другие, но очень смутно, неразборчиво. Думаю, что от того, что детство этих людей, не в силах вынести жестокого нрава своих хозяев, спряталось куда-то глубоко-глубоко, но порой все же напоминает о себе горьким комком в горле, бередит и ранит душу...

РЫСЬ

рассказ

По правде, Рысь – это кот по имени Принц. И подарил мне его в прошлом году Дед Мороз. Ма-а-ленький такой, чёрный-пречёрный. Только на шее, под самым подбородком, белый фартучек и лапки, словно одеты в белые носочки. Кот посмотрел на меня так гордо и независимо, что я подумал: «Наверное, он сын кошачьего царя, не меньше». И потому я назвал его Принцем.

Но месяца через два я понял: никакой он не царский потомок, а самый настоящий озорник и разбойник. По утрам в одно и то же время Принц стаскивает одеяло, и поневоле приходится вставать.

Теперь меня будит не мама, а Принц. От радости, что я проснулся, он кидается к дивану и начинает его так драть и царапать, что слышно на всю квартиру. Хорошо ещё мама этого не видит, иначе нам с Принцем досталось бы на орехи... К тому же Принц очень хитрый: при взрослых он такой смирный, спокойный, такой добрый – прямо ангел!

А как он носится по дому – ни за что его не поймать. Глаза у Принца сверкают огнём, он сметает на пути всё, что попадает под его лапы. Признаться, мне это

очень нравится! На полу валяются сваленные стулья, цветочные горшки, ещё всякая мелочь... Конечно, какому мальчишке это не понравится?! Наверно, в этом есть какая-то прелесть, но взрослые этого не понимают. Мне же кажется, что я сижу в цирке, на первом ряду, и смотрю весёлое представление.

Мы ждали, что Принц повзрослеет и станет спокойнее. Но где там! Он разорвал острыми коготками наволочку подушки, и по всей нашей квартире разлетелся белый пух... Ему уже мало носиться по полу – он хочет ходить по потолку! Я понял это по его горящим глазам и не мог отказать ему в этом.

И вот уже Принц взобрался по оконной шторе вверх, ловко запрыгнул на шкаф. А со шкафа... Я даже не успел глазом моргнуть, как он со шкафа перемахнул на люстру! Я от души радовался успехам Принца и, наблюдая, как он раскачивается на люстре, будто на качелях, подумал: «Неправильно я назвал кота Принцем».

– Никакой ты не царский потомок, а самая настоящая лесная Рысь! Ну что, принимаешь новое имя?

Принц недовольно мяукнул: нет! И, оттолкнувшись от люстры всеми четырьмя лапами, спрыгнул на пол. Вслед за ним... «спрыгнула» и люстра...

Всё пропало! Кот с перепугу нырнул под диван и затаился. А я

зажал уши ладонями и не знал, что делать: плакать или смеяться? Стёклышки от разбитой люстры так красиво переливались на свету, что я залюбовался ими. Жалко, конечно, люстру, но что уж теперь поделаешь? Достанется нам с Принцем от мамы, ох, достанется! И от папы эту беду тоже не скрыть...

Папа и мама вернулись с работы вместе. Увидев море блестящих стёклышек на полу, поняли в чём дело.

– Ага, сорвалась люстра... – пытался я объяснить, пользуясь их молчанием. – Старенькая, наверно, стала...

Мама рассмеялась первой. За ней сдержанно улыбнулся и папа. Я тоже старательно изображал на своём лице улыбку. Потом мы все вместе собрали стёклышки и отнесли в мусорный бак. Но мне кажется, что стёклышки вонзились тогда мне в самое сердце. И я чувствую эту боль до сего дня...

Барашек, который потерял себя

сказка

Жил, говорят, на свете Барашек. Шёрстка у него была белая-белая, кудрявая-кудрявая. И резвился он целыми днями весело и беззаботно. Барашка все любили, любовались на него:

– Вы только посмотрите, какой он красивый! Прямо загляденье! – говорили прохожие.

Но как-то захотелось Барашку поваляться в грязной луже, как это делал его приятель Поросёнок.

– Хочу быть таким же грязным! Хочу быть как Поросёнок! – кричал он в ответ на уговоры матери.

– Что ж, – согласилась уставшая мать, – побудь тогда Поросёнком, коль хочешь.

Плюхнулся Барашек в грязную лужу и ну кувыряться-валяться! Вымазался так, что стал весь чёрный. Поскакал домой. Навстречу ему друзья-приятели. Но никто с ним не здоровается, не заговаривает. Не узнают будто. Тогда Барашек решил сам поделиться своей радостью с ними.

– Знаете, как здорово в грязи валяться!

Но приятели отводят от него глаза, а кто-то вовсе бросился наутёк.

Не обрадовались Барашку и в родном доме. И он загрустил. Побродил бесцельно по дому и остановился у зеркала.

– Ой, кто это? – вскрикнул Барашек испуганно, увидев вместо белого кудрявого барашка чумазого грязнулю. Незнакомец был похож на арзюри-лешего, что водится в мельничном пруду. С него на пол капала густая грязь, и был он страшный-престрашный... Барашек от страха поначалу онемел, а потом ка-ак вспрыгнет с места да как понесётся на своих резвых ножках куда глаза глядят!

В переулке встретился ему пёс Улай и, не признав Барашка, посеменял мимо.

– Эй, Улай, ты меня не видишь? – окликнул его Барашек.

– Почему не вижу? Вижу, вот ты стоишь передо мной. Даже укусить тебя хотел, да пачкаться не захотелось...

– А я вот себя не вижу. Ноги не мои. Кудряшки тоже не мои... И сам я не сам... – растерянно лопочет Барашек.

– А я вот – сам! – И Улай горделиво залаял: – Гав-гав! Ты научись лаять, как я, тогда сразу себя найдёшь.

– Г-гав!.. гав... – неуверенно повторил за ним Барашек. Всё равно ничего не изменилось: он по-прежнему не узнавал себя.

И Барашек поскакал дальше. Улай удивлённо посмотрел вслед убегающему.

В это время на лугу носился Жеребёнок – учился ржать по-взрослому. Барашек обратился к нему:

– Эй, Жеребёнок, ты меня не видишь?

«Что за глупыш такой?» – подумал Жеребёнок и с опаской всё же спросил:

– А ты куда это собрался, Чернявый?

Я не Чернявый, я – Белый! – обиделся Барашек.

«Понятно... Коль белое от чёрного не отличаешь, дела твои плохи...» – с жалостью подумал Жеребёнок.

А Барашек продолжал:

– Я себя ищу-ищу, уж из сил выбился... Лаять пробовал – ничего не получается...

– А тебя твоя мать чему учила? – сообразил спросить Жеребёнок. – Меня, например, учила говорить и-го-го! – заржал он вдруг по-взрослому. И очень обрадовался: – Получилось! Наконец-то я научился! И-го-го! И-го-го!..

– А меня моя мама учила говорить ме-ек, ме-ек... – проговорил Барашек, с надеждой глядя в глаза Жеребёнку.

– Тогда ты и есть ты! – Жеребёнок рассмеялся над глупым Барашком.

– Нет, не я... Я себя хорошо знаю... – вконец расстроился Барашек. Из его глаз выкатились крупные слёзы.

И он побрёл дальше, бренча засохшими комочками грязи на своих кудряшках. Путь ему преградила небольшая Речка. Перепрыгнуть – берег далековат, и мостика нет. Задумался Барашек, опустил голову.

– Ты что-то потерял? – спросила Речка, повидавшая на своём долгом пути всякое – и хорошее, и плохое. Она сразу поняла: этот замызганный Барашек что-то или кого-то ищет.

– Так что ты ищешь? – снова спросила Речка.

– Себя ищу, – понуро отозвался Барашек.

– Ишь ты! Маленький, а ум у тебя, видать, большой! – удивилась Речка. – И правильно делаешь, – похвалила она Барашка. – Нам всю жизнь самих себя искать надо...

– Надо-то надо, только мне себя найти хочется.

– Послушай меня: посмотри на мою воду...

Барашек взгляделся в водную гладь и отшатнулся в страхе: на него смотрело то же чудище, какое он видел в зеркале! «Наверно, меня заколдовали!» – ужаснулся Барашек.

– Да успокойся ты, не трясись, – сказала Речка, замедляя свой бег. – Может быть, ты в чём-то провинился перед самим собой?

– Нет, не провинился... Вот маму не послушал – да. Залез в грязную лужу и искупался. Мне захотелось стать поросёнком...

– Ладно, так и быть, помогу тебе, – сказала мудрая Речка. – Только ты впредь живи своим умом, не подражай другим, не подлаживайся ни под кого. Ты красив сам по себе... – Речка помолчала и, улыбнувшись, прожурчала: – Помогу я тебе – отмою твой грех, потому что чище меня на свете нет ничего. И тогда ты найдёшь сам себя.

Барашек окунулся раз, другой и выпрыгнул на берег.

– Теперь посмотри на меня ещё раз, – сказала Речка.

Барашек взглянул на ровную воду и тотчас узнал себя.

– Я нашёл себя!.. Нашёл!.. – весело заблеял-закричал Барашек, отряхивая от воды белые кудряшки. – Спасибо тебе, Речка!

Радостно блея, он вприпрыжку помчался домой – к матери. По дороге его узнавали, приветствовали, говорили с ним. Мать, переволновавшаяся из-за его исчезновения, заплакала. Но это были слёзы радости... И что вы думаете? Больше Барашек ни разу в жизни не терял себя. Ему не хотелось быть поросёнком, чтобы валяться в грязи. Не хотелось быть и Улаем, чтобы забыть свой язык и лаять, как он. Барашек понял: если он перестанет блеять, как его научила мать, то уже потеряет не только себя, но и свой язык. А потеряет – возможно, и не найдёт никогда...

Кудрявый подсолнушек

сказка

Небольшая Лужица спокойно дремала на краю поляны и вдруг почувствовала: кто-то внимательно смотрит на неё. Проснулась и увидела: да это же Звёздочка! Вот здорово: оказывается, в этом бескрайнем мире есть Звёздочка, которая заметила её. А ведь она так далеко отсюда, и всё же отыскала Лужицу, такую маленькую!

Лужица и Звёздочка без слов поняли друг друга. Хотя Лужица до сего дня и не знала, что можно вот так, не глядя другу в глаза, разговаривать.

– Замёрзла, малышка? – ласково спросила Звёздочка.

– З-за-мёрзла... – Лужица вздрогнула от холода, и по её поверхности пробежали мелкие волны. – Но вот увидела тебя и, кажется, согрелась...

– Да, холодно по вечерам. Рановато ты проснулась от зимней спячки.

– Солнышко меня разбудило... А само на ночь, как всегда, ушло куда-то...

– Хочешь, я тебя согрею?

– А разве ты можешь быть Солнышком?

– Я тебя как Звёздочка согрею. Сначала убаюкаю, а потом укурую тонким и красивым, как кружево, льдом и буду оберегать твой чудесный сон.

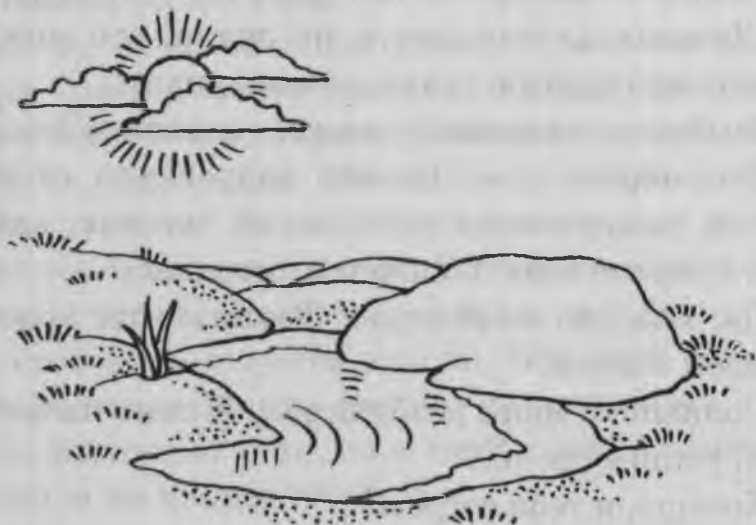
– Ой, как же мне тебя благодарить, Звёздочка?

– А ты вспоминай обо мне каждый вечер – вот это и будет твоя благодарность.

Лужица спокойно заснула. И снится ей тёплый-претёплый сон. Будто спит она под мягким, как вата, тёплым одеялом, тихо посапывая...

Проснулась Лужица утром и вспомнила про Звёздочку. А где же она? Может, её сквозь ледяное одеяло не видно? Лужица протёрла глаза и всмотрелась ещё пристальнее. Нет Звёздочки! Бросила она её... Не поверила Лужица и принялась дуть в ледяную корочку, пытаясь растопить её. И тут её старания заметило Солнышко.

– Проснулась? – спросило так же, как вчера.

Лужица промолчала, а про себя с укором подумала: «Что толку говорить с такими знакомыми? Они не могут быть настоящими друзьями. Одно вон, Солнышко, греет днём, а на ночь куда-то исчезает. Другая, Звёздочка, наоборот, ночью добренькая, а днём тоже где-то прячется...»

– Я слышу твои упрёки, – снова заговорило Солнышко. – Ночью мне приходится уходить, потому что меня ждут в других местах. Где я появляюсь, там наступает день.

– Ты мне ничего не объяснило, а я тебе поверила...

– Надо научиться терпеть. Только терпеливые познают вкус счастья, – сказала Солнышко и поспешило светить другим.

Вдруг совсем рядом Лужица увидела, как из-под растаявшего под лучами Солнца льда выпрыгнуло какое-то маленькое существо. Лужица им заинтересовалась. Вот оно чуть-чуть высунуло свой нос – осторожное какое, ишь как принюхивается! Гляди, оно ещё и пьёт... Да это же ТТравка, самая настоящая зелёная Травка!

– Травка, ты зачем здесь проросла? – удивлённо спросила Лужица.

– Я подумала, что тебе скучно одной, – смущённо ответила та.

– Ты поторопилась, – неприветливо проворчала Лужица. – Мне ни с кем не хочется дружить.

– Да я и сама поняла: рано я проклюнулась. Но теперь уж придётся терпеть. Только терпеливые познают вкус счастья...

«Смотри-ка, она тоже говорит, как Солнышко», – недовольно подумала Лужица и проворчала:

– Стоило ли прорасти рядом для того, чтобы только терпеть друг друга?

– Лужица, ты, видимо, сильно на кого-то обиделась? – догадалась Травка. – И потому теперь не хочешь ни с кем дружить?

– А друзьям ведь нельзя верить, они могут обмануть... Сначала наговорят тёплых слов, согреют, а потом легко оставят тебя на холоде...

– Я тебя не оставлю, поверь. Всю жизнь буду рядом и буду согревать ласковыми словами.

– Ты – согревать? Такая маленькая? – Лужица с недоверием посмотрела на Травку и замолчала.

А весна всё смелее вступала в свои права. И Солнышко день ото дня становилось всё ярче и горячее.

Лужица как-то ненароком взглянула на свою соседку и не поверила глазам.

– Это ты, Травка? Как же ты выросла и похорошела! Какой стебель, листья... Тебя просто не узнать!

– Спасибо за добрые слова, – Травка так и просияла от похвалы. – Я всё время смотрю в небо, потому и расту. И, наверно, оттого, что проклюнулась в холод, я стала очень выносливой и терпеливой... Мне так хочется познать вкус счастья! Ведь мы для того и родились...

– И что ты понимаешь под счастьем?

– Ну, счастье... это когда ты приносишь радость людям...

– Значит, когда другим весело, а тебе скучно – это и есть, по-твоему, счастье?

– Почему же? Тебе тоже весело. Ведь когда мы, все живые существа, радуем других, нас тоже наполняет такая же радость! Лица у всех становятся светлыми, хочется смеяться, расти, хорошеть! Жить хочется! А для нас, живых, самое главное – это приносить красоту в окружающую нас природу... Вот это и есть счастье.

– Значит, надо стараться, чтобы стать счастливыми?

– Правильно. Без старания счастье не придёт.

– Тогда ты... ты будешь теперь моим Солнышком!

И зажили они дружно и весело. Много говорили, терпели вместе и дожди с громом, молниями и градом...

Как-то в один из дней, совсем не солнечный, даже пасмурный, произошло чудо: Травка распустила яркий жёлтый цветок! Точь-в-точь как Солнце! Может, оттого, что Лужица всё время называла Травку Солнышком? А цветок в самом деле был роскошный: жёлтый круг опушён жёлтыми же кудряшками; на длинном стволе широкие крепкие листья... Лужица терялась в догадках: неужели Солнышко пожалело её и выросло рядом?

– Тебе не надо было меня жалеть, Солнышко, – сказала Лужица. – Ты должно ходить ко всем, чтобы наступал день. Разве ты об этом не подумало?

– Не расстраивайся: я – не настоящее Солнце, моё имя всего-навсего Подсолнечник. Я вырос для того, чтобы сделать тебя счастливой. И потому цветок мой похож на Солнышко...

В горле у Лужицы так и застрял горький комочек. И она, никогда не плакавшая, не сдержала слёз.

– Ты... ты настоящий друг... Ты ни на минуту не оставлял меня... Мы вместе радовались, вместе тер-

пели все невзгоды, – говорила и говорила Лужица сквозь благодарные слёзы.

– А ты давала моим корням живительную влагу. Не позволила засохнуть, когда долго не было дождя. Твои слова придавали мне силу. И ты получила от жизни то, чего так ждала, – счастье...

– Счастье?! Дорогое Солнышко! Кудрявый мой Подсолнушек! Я поняла, поняла: счастье – это когда у тебя есть настоящий друг! И когда этот друг стал для тебя солнцем!

Содержание

Перевод Ирины Митта

Чудо-юдо.....	3
Мурка.....	8
Лучшая в мире тётя.....	13
Ребята из Старых Дубков.....	18
Пасха.....	23
Девочка из города.....	35
Жестяные салазки.....	40
Театр.....	45
Жизнь и нежизнь.....	53
Дядя Партизан.....	60
Как я летал.....	66
Волшебный карман.....	71
Гусеница.....	75
Слива.....	82
Золотое яблоко.....	87
Голые жеребцы.....	101
Благодать.....	109
Ночные цветы.....	121
Как я искал край света.....	125

Перевод Зои Романовой

День рождения (рассказ).....	133
Прозрачные люди (рассказ).....	140
Рысь (рассказ).....	145
Барашек, который потерял себя (сказка).....	148
Кудрявый подсолнушек (сказка).....	152

Литературно-художественное издание

Для детей среднего школьного возраста

Карягина Марина Федоровна

ЗОЛОТОЕ ЯБЛОКО

Рассказы и сказки

Перевод с чувашского *И. Митта, З. Романовой*

Художник *Е.А. Енька*

Компьютерная верстка *Н.Н. Ивановой*

Подписано к печати 03.07.2014. Формат 70х90/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Century Schoolbook.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,7. Уч.-изд. л. 5,2.

Тираж 500 экз. Заказ № К-1257.

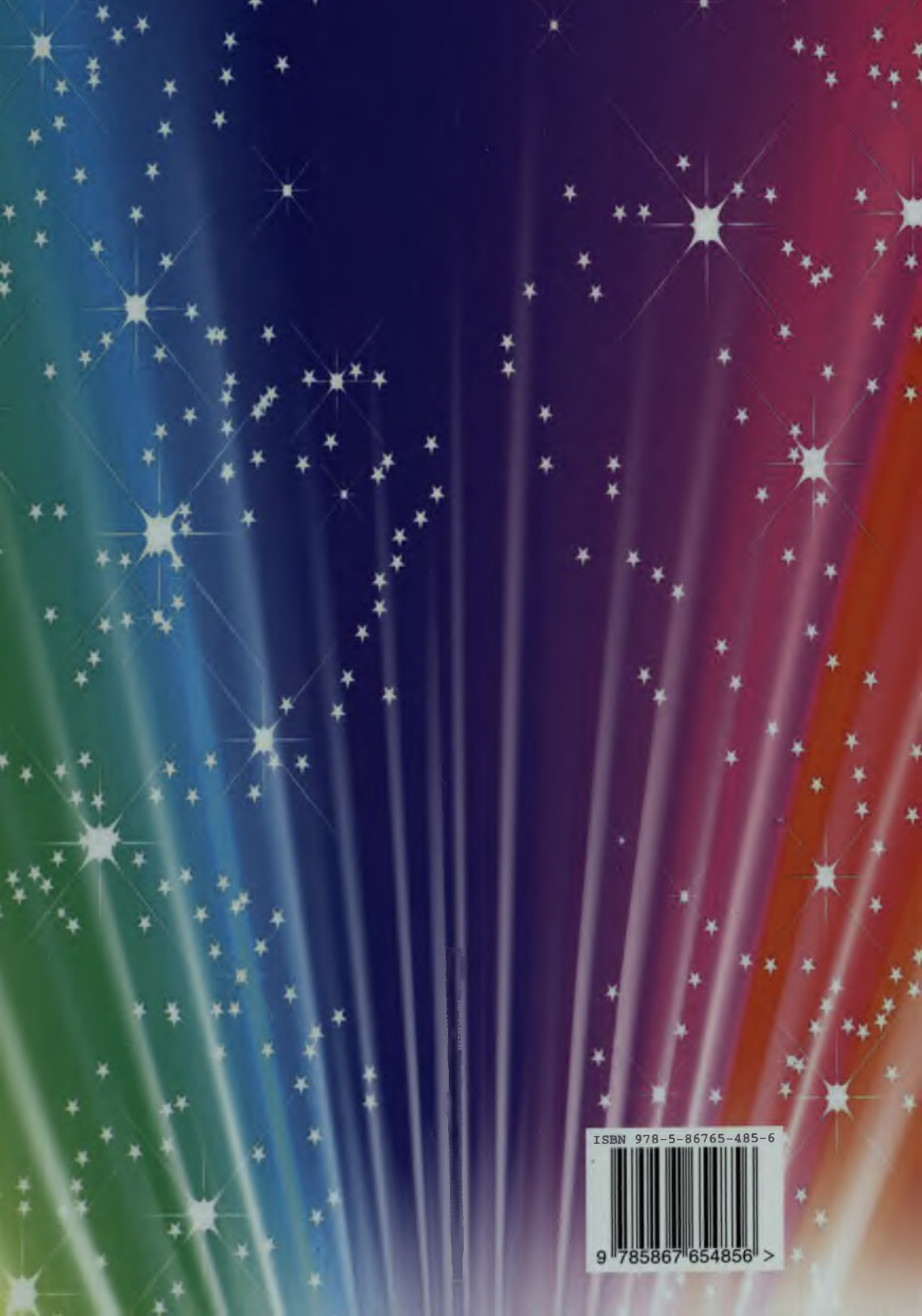
ОАО «ИПК «Чувашия»

428019, г. Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 13.

160. 2

ISBN 978-5-86765-485-6

9 785867 654856 >